РОВЕСНИК

№ 6/87
ИЮНЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131-5994

ВМТ

ВАШИНГТОН. В предместье столицы США есть школа «Саут лейкс». Здесь ребята изучают русский язык, устраивают концерты, на которых читают стихи Пушкина, Лермонтова, Твардовского, разыгрывают сценки по рассказам Чехова. В школе все говорят только по-русски, и даже имена учеников на время занятий становятся русскими: Сережа, Наташа, Олег, Нина... Американские школьники считают, что знание языка, культуры нашей страны — первый шаг к пониманию и доверию между двумя великими народами.

ЛУАНДА. В ангольском городе Лубанго советские специалисты в свободное от работы время взялись за восстановление и перестройку начальной школы. Они отстроили заново здание, провели электричество и воду, оборудовали при школе стадион. Теперь шестьсот маленьких ангольцев сели за парты в новой школе.

КАБУЛ. Вот уже несколько лет уроком мира начинается новый учебный год в школах Афганистана. В стране действует 1226 школ, выросло число преподавателей и учащихся. Например, в провинции Герат были приготовлены места для 5 тысяч детей беженцев, вернувшихся в родные края. Все эти ребята тоже сели за парты. Разработаны новые учебные программы для занятий с первого по девятый класс. Семьсот тысяч школьников Афганистана подписали письмо в адрес генерального секретаря ООН, в котором дети выразили свое страстное желание жить в мире.

ДЬЕР. В окрестностях этого венгерского города расположился не совсем обычный пионерский лагерь. Несколько лет назад первый секретарь Дьер-Шопронского обкома Венгерской социалистической рабочей партии привез от побратимов из Советской Армении проект города детей. Предприятия, бригады социалистического труда области безвозмездно на общественных началах строили этот пионерский лагерь. Сейчас каждое лето здесь, в живописных местах под Дьером, отдыхают вместе венгерские и советские ребята, звучит венгерская, русская, армянская речь. Дружба побратимов начинается уже в детские годы.

АСУНСЬОН. Полторы тысячи солдат плотным кольцом окружили поселок в парагвайских джунглях. В поселке живет 600 семей в основном индейцев-гуарани, в каждой семье маленькие дети. Четыре года назад правительство разрешило этим семьям использовать землю в джунглях. И вот теперь, когда наконец земля начала давать урожай, были построены дома, куплен скот, правительство произвольно постановило передать освоенную территорию джунглей двум богатым предпринимателям, приказав гуарани убираться вон. Для того, чтобы осуществить свой жестокий замысел без лишнего шума, парагвайский режим решил взять гуарани измором, установить блокаду поселений, первыми жертвами которой стали дети.

ДЕЛИ. Здесь состоялся первый международный фестиваль кукольных театров. Свои работы показывали кукольники Индии, Венгрии, ГДР, Польши, Советского Союза. Труппа из города Иванова привезла спектакль «Очарованный царь» по мотивам древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Фестиваль был организован Международным союзом деятелей театров кукол совместно с Индийским советом по культурным связям. Многочисленные юные зрители познакомились с искусством других народов, укрепились творческие связи взрослых.

НЕАПОЛЬ. Как сообщил итальянский журнал «Панорама», мафия сейчас все чаще прибегает к «услугам» 10—12-летних мальчишек, когда ей надо «убрать» представителя соперничающего клана или официальных властей. Иногда сами матери приводят своих малолетних сыновей к мафиози, вынужденные к этому отчаянием нищеты и безысходности своего положения.

ПОРТ-О-ПРЕНС. Прогрессивные силы Гаити объявили сбор средств на 5-летнюю программу, во время которой 3 миллиона гаитянцев будут учиться читать. В республике 80 процентов граждан неграмотны, дети вырастают, так никогда и не увидев школьных парт. На острове царит страшная нищета, половина населения постоянно голодает. Чтобы привлечь голодных детей на учебные пункты, им там дают маисовую лепешку и иногда молока. Эту еду покупают на средства, поступающие от благотворительных организаций Европы.

МИЛУОКИ. В этом американском городе силами родителей и общественности создан центр общения подростков. Он ставит своей задачей защитить 12—15-летних детей из испаноязычных семей, то есть пуэрториканцев, мексиканцев и других, от наркомании, алкоголизма, вернуть в школы тех, кто бросил учиться. «У подростков, начиная лет с 12, совершенно невероятное стремление к объединению в разных группах,— говорит директор центра Рикардо Диас.— Они думают, что таким образом смогут почувствовать себя более защищенными, привлекут к себе внимание, их имена попадут на страницы газет. Мы хотим, чтобы это объединение происходило в нашем центре, а не в различных бандах хулиганов. Кто-то ведь должен защитить наших детей».

ПРЕТОРИЯ. Более 350 тысяч учащихся принимают участие в бойкоте южноафриканских школ. Расистские педагоги, исходя из вздорной концепции о «неспособности» черных детей так же успешно воспринимать знания, как белые дети, создали для школ, где занимаются черные, урезанные, оболванивающие детей программы. Против обучения по усеченным программам и протестуют школьники, участвующие в бойкоте. За «непослушание» белому человеку им грозит жестокая расправа. Из более 20 тысяч арестованных в последнее время противников апартеида треть — дети начиная с 11 лет. Врачи установили, что дети, которым удалось вернуться домой, подвергались пыткам. У некоторых сломаны руки, ноги, челюсти, следы побоев, укусов собак. Режим апартеида создал и специальные концентрационные лагеря для детей. За колючей проволокой, как утверждает печать, находится до 4 тысяч ребят. Африканский национальный конгресс призвал к немедленной ликвидации концлагерей, где содержатся дети.

ПАРИЖ. Французское движение за мир выступило с протестом против продажи детских игрушек для «звездных войн». Протест поддержали родители. Мать четырех детей, отвечая на вопросы журналистов, сказала: «Мои сыновья, как, наверное, все мальчишки в мире, любят такие игрушки, как пистолеты, ружья, мечи и тому подобное. Но они никогда не играют в ядерную войну. Детям непонятна сама мысль о всеобщем уничтожении. Сейчас, когда появились игрушки в виде ракет с «ядерными» боеголовками, роботов, «уничтожающих» звезды и целые миры, мне страшно за детей. Их хотят приучить к мысли о возможности ядерной войны. И это в такое время, когда все нормальные взрослые надеются, что мы к 2000 году покончим с ядерным оружием».

ШЕФФИЛД. В одно из воскресений школьники этого английского города присоединились к родителям и учителям для проведения демонстрации, цель которой собрать средства в поддержку кампании правительства Эфиопии по ликвидации неграмотности в этой африканской республике. Демонстрация проходила под лозунгом «Карандаши для детей Эфиопии». Это только одна из акций английских школьников в поддержку своих сверстников в далекой Африке. Ребята проводят ярмарки солидарности, самодеятельные концерты, сбор средств среди жителей своих улиц.

ОСЛО. Во многих странах Европы, на трех континентах побывала детская «Миссия мира». В нее входили ребята из Индии, Кении, Новой Зеландии, Норвегии, Советского Союза, США, Японии. Начали они свою «миссию» — защиту мира — в Осло, где их принял глава государства — король Норвегии Улаф V, премьер-министр и депутаты стортинга; в Москве детская «Миссия мира» встречалась с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко. Мир — для детей естественное состояние, и дружба возникает сразу. Может быть, встретившись с ребятами из «Миссии мира», и взрослые почувствуют необходимость во взаимопонимании и взаимодоверии, так думают организаторы этого детского похода «Дети как миротворцы».

МНЕ ХОРОШО СРЕДИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Э.-А. РАУТЕР,
западногерманский писатель

Лето. Конец августа. Необычный свет придает окружающему какую-то первозданную чистоту. О таком освещении художник может только мечтать. В центре Европы я не видел ничего подобного. Будто на другой планете с более прозрачным слоем атмосферы.

Мне сказали:

— Выбирай, в каком поселке ты хочешь поработать?

Звездный, Магистральный, Улкан и Кунерма, последний перед туннелем. Названия будущих городов.

Дома, в Мюнхене, я думал, что стану работать лесорубом, и решил назвать книгу «Лесорубом в тайге». Теперь я рассуждаю иначе. Лесорубы работают попарно. А мне хотелось понять, что такое коллектив. Бригада юстировщиков железнодорожного пути действует, как оркестр. Я хотел быть в оркестре и выбрал Кунерму, где кончаются рельсы.

«Кунерма» в переводе с эвенкийского — «место, где никто не живет». Здесь какой-то особый микроклимат. Кажется, будто земля притягивает дожди. Недалеко от поселка торчит загадочная скала, голая, точно кость. Шутят: на ней нет даже бактерий.

«Моя» бригада работает в десяти километрах к западу от Кунермы. Первый, кто мне бросается в глаза,— девушка, член бригады. Она так красива, что мне трудно сосредоточиться на чем-то другом.

Обычные советские рабочие. Я ищу в их лицах недовольство, уныние, безразличие. И не нахожу. Иногда я не вполне доверяю своим впечатлениям. Может быть, я не совсем объективен? Дело в том, что мне хорошо среди советских людей. Вместе с ними я свободен от ужаса конкуренции. Отношения здесь теплее, исполнены доверия. У нас они показались бы, возможно,наивными. Какой прекрасной становится жизнь, когда тебе не нужно бояться других людей! Я оживаю, я радуюсь, что живу, мне приятно чувствовать, как исчезает во мне мое мелкое тщеславие.

Советский Союз молод. Многое выглядит недоделанным, многое и есть не доделано. Нам, западным людям, не хватает здесь рафинированности. Например, сибирской дороге не хватает «гарнира» — тысячи аксессуаров европейской дороги: домиков, указателей, переходов, палисадников, переездов, перекрестков, заправочных станций, реклам. Взбираясь на пригорок, ожидаешь, что с вершины откроется вид на дома, но перед глазами все тот же лес.

Я смотрю, как работает бригада. Отрезок рельсов метров в пятнадцать вместе со шпалами вдруг вспучился у меня на глазах. Бригадир командует: «Выше! Выше!» Рядом со мной рабочий, который приподнимает рельс чем-то вроде домкрата для автомобиля. Знаками он приглашает меня повторять то, что он делает. Я качаю. Рельс явственно поднимается, шпалы вырываются из щебенки.

В голове у меня мелькает: через час такой работы я буду в ауте. Хорошо, что не беру на себя никаких обязательств, через пару недель натренируюсь, и тогда все будет в порядке.

Солнце сияет. Тепло. Вдруг чувствую нестерпимый зуд между лопатками. Удивительно сильно чешется. Потом повторяется то же в другом месте. Наконец до меня дошло: это ведь знаменитые москиты, таежная мошка. Я совсем забыл об их существовании. Через полчаса лица, уши и руки каждого из нас покрыты красными вздутиями — следами укусов. Впрочем, одно свойство маленьких кровопийц вызвало во мне нечто вроде симпатии: во время обеда они прекратили свои атаки и дали нам спокойно поесть. Они не выносят жары и в полдень убираются в лес.

В лесу полно грибов и ягод. Я уже не говорю: «Пойду собирать грибы». Я говорю: «Пойду принесу грибов». В некоторых местах мне казалось, будто у меня что-то со зрением: сплошная синяя пелена над землей. Горсть наполняется черникой в несколько секунд. Я сражаюсь с ягодными массами, словно в бреду. Какая-то мания обжорства. Целые народы могли бы объесться этими ягодами. Их соком можно выкрасить все дома на Земле, и еще бы осталось, чтобы покрасить дороги.

В клубном актовом зале собралось человек десять-двенадцать. Все нарядно одеты. Я присутствую при торжественном событии: сегодня вносится поправка в численность населения Кунермы. Малыш существует пока еще в виде большого свертка в руках у счастливого папы, чуть позже мне позволят посмотреть на него.

По случаю регистрации нового советского гражданина я прихватил свою книгу. Пишу посвящение для малыша и свое пожелание: пусть он настолько овладеет немецким языком, что сможет прочесть мою книжку в оригинале. Я чувствую себя чем-то вроде крестного отца и думаю: «Теперь ты навсегда связан с Кунермой. Как с деревней, где ты ходил в школу. Связан самыми приятными чувствами. Гордостью. Когда скопление бараков, деревянных домиков и жилых вагончиков в тайге превратится в большой город, в нем будут жить люди. Кто-то из них скажет: такой-то написал про нас книжку, это было давно, когда нашего города еще и не было, а наш нынешний бургомистр — его крестный сын. И кто-то не слишком старый — лет этак под тридцать,— войдя в троллейбус, скажет своему спутнику: «Знаешь, мой старший брат получил письмо из ФРГ. Как от кого? От него, от кого же еще!»

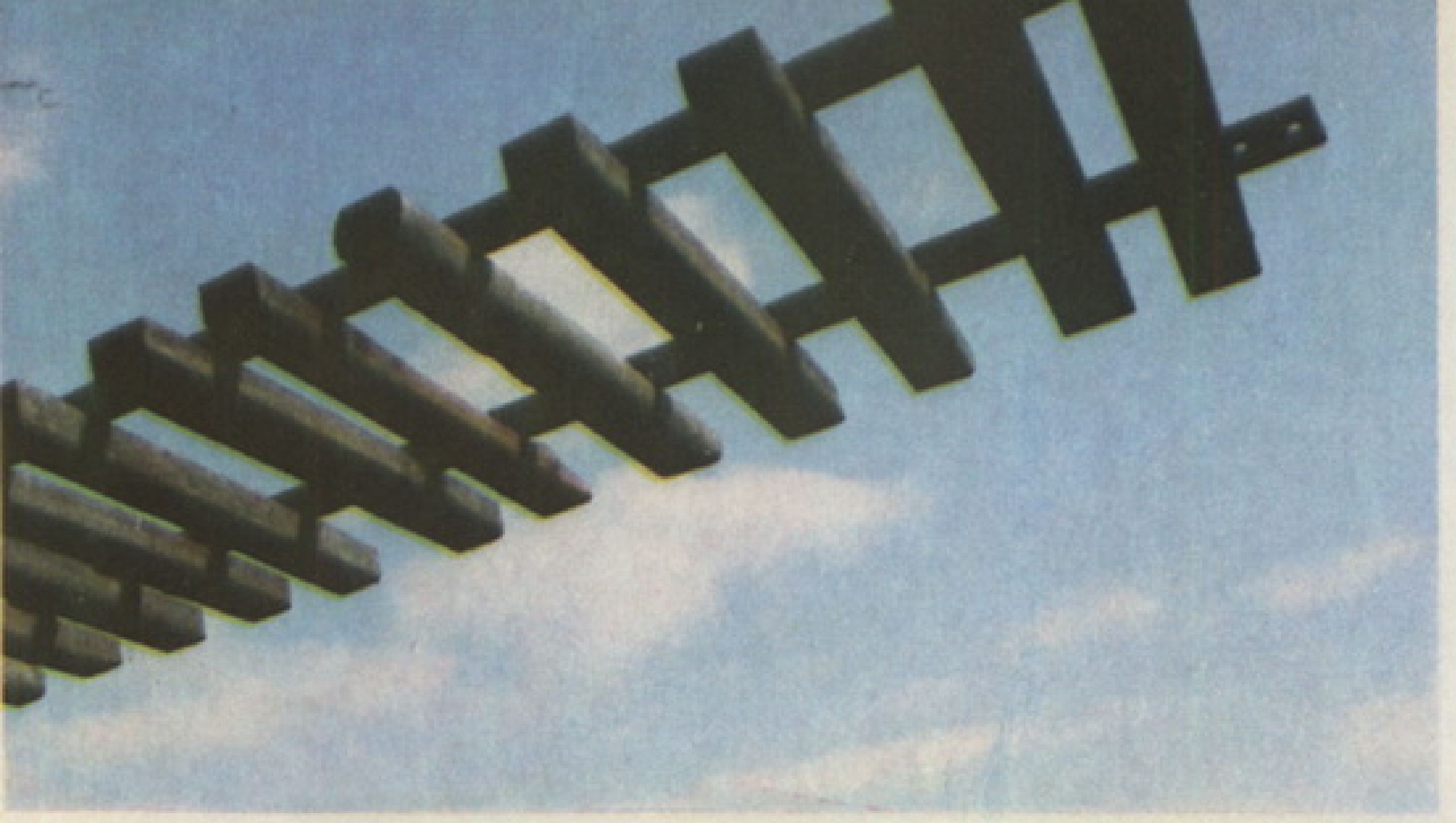
— Ну, как там наш малыш? — спрашиваю я с тех пор Сашу, отца мальчика. Он тоже в моей бригаде.

В то утро я проснулся без будильника в половине седьмого. Половина седьмого! Уже много лет я не встаю так рано. Принял холодный душ, оделся и направился в столовую. Мне хотелось не спеша выпить чай. Надо обеспечить себе чуточку комфорта, чтобы не сорваться. На раздаче я встретил Сашу и обрадовался: все-таки неловко чувствуешь себя в большом зале, где полно незнакомых людей.

Задолго до моего триумфально раннего подъема в столовой уже проделана вся работа. У меня в дневнике записано меню того завтрака перед рабочим днем: гуляш, го-

---

Из книги Э.-А. Раутера «Кунерма — место, где никто не живет». Вена, 1979 г.

вядина, отварной рис, салат, белая сладкая каша с маслом, хлеб, сладкий пирог, компот, фруктовый сок, чай. Я выбираю гуляш, салат, сок, чай и пирог. В конце очереди — кассирша. Она производит расчет, как и у нас в закусочных у шоссе. Стоимость завтрака от 20 до 70 копеек.

Рассматриваю лица рабочих. Интересно, не встречу ли я неприязнь, насмешку или удивление? На остановке нас собралось человек сорок-пятьдесят. Все в рабочей одежде голубого или зеленого цвета, у многих буквы «БАМ» на рукаве. Возраст между девятнадцатью и тридцатью пятью. Мне нравится, что они не обращают на меня особого внимания.

Во время первой совместной поездки к месту работы я лучше познакомился с бригадой. Тряска — она продолжалась сорок пять минут — здорово проявляет человека. Как при просеивании через сито: мелочи уходят, остается главное. Члены бригады усадили меня на самое удобное место рядом с женщинами. Мы проехали шестнадцать километров вдоль насыпи, по той половине, где скоро ляжет второй путь.

Наша задача — выравнивать рельсы. Путеукладчик уложил рельсы вдоль предварительно выверенной и маркированной линии, и они лежат там, где нужно, но виляют, как коровий хвост.

Саша, отец моего крестника, помогал мне включиться в работу. Он ставил меня у рельса, а передо мной устанавливал домкрат, так, чтобы ухватить рельс между двумя шпалами. Иногда между шпалами оказывалось слишком много щебенки, и домкрат не мог ухватиться за рельс. Тогда Саша брал его в руки и стальной подставкой выгребал и отбрасывал лишний щебень. Вес домкрата — двадцать пять килограммов.

Когда подъемник был установлен как следует, я начинал качать. Меньше чем через минуту кто-то говорил мне: «Стоп!» Рельсы со шпалами повисали в воздухе и раскачивались, словно веревочная лестница. Другие члены бригады, стропальщики, подравнивали поверхность насыпи.

Я нажал пальцем на вентиль домкрата. Рельсы со шпалами двинулись вниз, укладываясь на щебенку, которую стропальщики подложили под шпалы. Кто-то из ребят шлепнул меня по ноге, я машинально отдернул ногу, благодаря чему избежал контакта с опустившейся шпалой. Меня прошиб пот, когда я осознал грозившую опасность. Чтобы освободить домкрат, я налег на него всем телом. Вытянул его, ухватил поудобнее и поспешил, как другие «домкратчики», на пятьдесят метров вперед, таща на себе 25 кило стали.

Теперь надо было засунуть эту штуку под рельс. Я старался делать все как Саша. Ухватил домкрат сверху и снизу и попытался выгрести его подставкой лишнюю щебенку. Я испытал ощущение, подобное тому, как если бы к моей авторучке приделали кофейник и заставили бы меня этим сооружением писать. Я не мог выгрести гравий двадцатипятикилограммовым скребком. Я отставил домкрат и как можно быстрее заработал руками — на нас были рабочие рукавицы. Все-таки я успел вовремя подсунуть подъемник под рельс и начал качать. Качая, я пытался отдышаться. Когда я уже кончил качать, мне понадобилась еще целая минута, чтобы перевести дух. (Впоследствии я использовал эту минуту для съемок. Весь свой фотогруз я тоже таскал на себе.)

И снова я налег всей тяжестью тела на домкрат, вытащил его и припустился вперед. Когда мои мучительные попытки научиться писать «авторучкой с кофейником» выглядели особенно жалко, кто-нибудь из ребят подскакивал ко мне на помощь. Мы продвигались грандиозными темпами. Работали по пятьдесят минут, потом делали десятиминутные паузы.

В три часа мы с Юрой решили: на первый раз хватит. Я извинился перед бригадиром. Он засмеялся — считает извинения излишними.

Я сел писать. Кроме своих впечатлений от первого рабочего дня, мне нужно было описать Юхту, Деревню Одиноких Женщин.

По пути из Усть-Кута сюда, когда я еще только раздумывал, где бы мне поработать на БАМе, мы ночевали в Улкане, предпоследнем поселке перед Кунермой. Юра предложил мне после ужина съездить в Юхту, это близко, всего пять километров. Он хотел показать памятник погибшим солдатам, который построили комсомольцы Улкана. До войны в Юхте было сорок мужчин. С фронта вернулись двое.

Юхта — старинный казачий поселок, ему триста лет. Сюда любят ездить лингвисты, исследователи русского языка XVII века. Здесь нет шоссейных дорог, связь с внешним миром испокон веков шла по реке. Большинство жителей по фамилии Тарасовы. На старых картах деревня называется Тарасово.

Поселок окутан тьмой. То тут, то там выступает из черноты яркий четырехугольник света. Наш микроавтобус тормозит, шофер направляет свет фар на памятник. Мы высаживаемся молча.

Молчание продолжается долго — и когда уже все вернулись в автобус. Ни шороха, ни кашля, ни слова. Только много спустя слово за слово началась тихая беседа.

К несчастью, я оставил свой магнитофон в гостинице, в Улкане. И записей в тот вечер не сделал. Я был уверен: ничего не забуду. И все же некоторые подробности разговора в автобусе я забыл. Но главное не забуду никогда: то искреннее уважение и гордость, с которыми все они — и Таня, и Юра, и Андрей, и водитель автобуса — говорили о своих отцах и матерях, о дедушках и бабушках, о дядях, тетях. Они не стеснялись патетики.

Рельс изгибается не только вверх-вниз. Он извивается вправо и влево. И если его не выпрямить, едущих в вагоне будет швырять из стороны в сторону.

Наша бригада разделилась надвое. Каждый держал в руках лом высотой в человеческий рост, диаметром сантиметра четыре. Полбригады, нагнувшись, встало к рельсу, упираясь ломами наискось в гравий между шпалами. Остальные прошли вперед. Мы ждем команды.

— Раз! — кричит бригадир.

Общий рывок ломом вверх — и рельс сдвинулся в нужную сторону на сантиметр-полтора.

Некоторые парни в бригаде очень сильны, у них в руках лом при работе сгибается. Время от времени кто-нибудь из силачей бьет ломом по рельсам, пока он не выпрямится. В своем ломе я не обнаружил никаких изменений.

Саша, отец моего крестника, принес Юрию, с которым я вместе работаю, гирю. Ее вес 32 килограмма. Юрий взял ее одной рукой и поднял двадцать раз, однако не догнал Сашу, который, как я видел, поднимает ее по сорок раз. Я решил попробовать, и мой рекорд — четыре раза.

Когда смотришь на Сашу, начинаешь понимать, что у сказочных героев вроде Давида, победившего Голиафа, в жизни есть прототипы. Я боюсь показаться восторженным, но должен сказать: Саша — просто-напросто воплощенное совершенство. Он один из самых красивых мужчин, которых я когда-либо видел, и при этом — что редко встречаешь — ему чуждо всякого рода кривляние. По его внешности не скажешь, что он так легендарно силен. Он никого не запугивает, и его ничто не пугает. Интеллигентен, но не заумный интеллектуал. В нем нет тщеславия. Он действительно хороший товарищ: я ни разу не замечал, чтобы он стремился показать другому свое превосходство. Кажется, у него столь крепкие нервы и такой запас энергии, что он всегда готов поделиться с другими, не расценивая это как «доброе дело». Я не видел его раздраженным. Его вежливость разумна, и его дружелюбию можно верить. Он говорит тихо. Голос у него мягкий. Люди, подобные Саше, разбудили во мне вкус к морали.

Я написал это и подумал: вкус к морали пробудила во мне вся бригада. Мне теперь легче кое-что себе запрещать.

Из-за своей привычной настороженности я то и дело попадаю впросак. В Братске, в гостинице, где мы с Андреем, моим сопровождающим из Комитета молодежных организаций СССР, должны были заночевать, мы поднялись на лифте на четвертый этаж. Выгрузили багаж: маленький чемоданчик Андрея и кучу моего груза. Андрей говорит:

— Ты постой с вещами, а я посмотрю наши комнаты.

Во мне автоматически вспыхивает раздражение. (Большинство советских людей, наверно, вообще не поймет, о чем я толкую!) Я уговариваю себя: нет смысла с ним связываться, он в предпочтительном положении, в борьбе с ним за лучшую комнату у меня нет никакого шанса, сделаю вид, что мне наплевать, не позориться же из-за такой мелочи, как ночевка в лучшей или худшей комнате... Старые страхи! Даже значительный опыт тесного общения с советскими людьми не может перечеркнуть накрепко усвоенные привычки. Андрей, разумеется, выбрал лучшую комнату для меня, а сам расположился в той, что похуже. Не говоря уж о том, что он тащил на себе часть моего багажа.

Я постоянно ловлю себя на том, что не ожидаю от людей такой предупредительности. Похоже, каждый человек, с которым я сталкиваюсь, считает, что я в гостях лично у него.

Обширный опыт позволяет выработать определенную жизненную позицию. Кто многое видит, видит подоплеку вещей, тот хочет видеть еще больше. К нежеланию видеть человек привыкает. Невидение и неслышание сводят личность на нет. Личность есть нечто подвижное, ее границы можно сузить или расширить, в зависимости от того, что удается понять из всего, что можно понять. Мне жаль тех людей, которые ни разу еще не выпрямили ни одного рельса.

Нельзя стать образованным человеком, если ты никогда не работал руками. Тебе всегда будет не хватать одной важнейшей науки: тех изменений, которые вызывает в человеке сопротивление дерева, металла, волокна, камня, краски, пока они не сделались предметами человеческого обихода. Это знания, которые нельзя вычитать из книг. Среди моих коллег с университетским образованием есть поразительные кретины. Их отличает особая грубость в обращении с вещами, которая находит естественное продолжение в страхе перед людьми, а оборотная сторона такого страха — жестокость. Мне всегда казалось, что односторонне образованные интеллектуалы особенно жестоки, даже в общении с равными.

Последний день.

Грузовик, как обычно, везет нас из поселка к рабочему месту на самой макушке БАМа.

Начинает накрапывать дождь. Лес меняется. Желтизна берез на глазах темнеет — почти золото. Продолжаем работать. Мои коллеги не обращают на дождь никакого внимания. Разогревшись, они сбрасывают куртки. Борис снял свою кожаную куртку и настоял на том, чтобы я ее надел. Куртка ошеломила меня теплом. Когда Борис устанавливал домкрат под рельс, я увидел, что от его спины идет пар.

Обед: термосы с супом, мясом, картошкой, компотом и чаем. Мы уселись на сиденьях в кузове. Среднее сиденье покрыли скатертью, теперь это был стол. Лида раздавала обед. Каждый получил сначала прибор, посуду и бумажный стаканчик. Их передавали из рук в руки.

Хотя мы всегда ели с большим удовольствием, глотая слюнки перед каждой следующей ложкой, было во время моего последнего обеда в бригаде что-то особенное — ощущение торжественности.

— Я не хотел бы быть чересчур многословным,— начинаю я, поднявшись,— но мне очень хочется кое-что сказать всем вам. Вы знаете: завтра я уезжаю. И сегодня я хочу поделиться с вами своими чувствами. По такому случаю, как сегодня, трудно удержаться от красивых слов. Так вот. Пройдет много лет, но я не забуду, чем я вам обязан. Я научился у вас помнить, что сочувствие и взаимоуважение не книжные понятия. Рядом с вами я сам себе часто казался каким-то диким волком. Общаясь с вами, я увидел, что действительно можно работать и жить без страха перед другими. И это уже само по себе превосходит все ожидания, которые я связывал со своей поездкой сюда. И завтра, уезжая, я буду знать, что оставляю в Кунерме восемнадцать друзей на всю жизнь.

И еще. Я никогда не думал, что физический труд покажется не таким уж тяжелым, если работать на благо других людей. Правда, я работал не в таких условиях, как вы. Я всегда знал, что через несколько недель вернусь в Мюнхен, в свою, так сказать, комфортабельную квартиру. Но мне кажется, что я смог бы работать с вами вместе месяц за месяцем и при этом не страдать, а радоваться.

Если когда-нибудь меня вновь скрутит недовольство и усталость, я буду вспоминать вас, и, уверен, это поможет мне не развалиться. И я всех вас благодарю за этот урок великодушия и взаимопонимания.

Маленький желтый металлический вагон с дизельным мотором — наш спецпоезд в Усть-Кут. В центре стоит железная печка. По бокам две широкие лавки, достаточно широкие, чтобы лежать. Впереди у смотрового окна скамейка во всю ширину вагона. Сзади, за перегородкой, кабина машиниста.

Я сажусь. Успокаиваюсь. Позволяю рельсам втягиваться в меня. Проходит час за часом. Я провожу экспертизу: вот наш вагончик качнуло, а тут он подпрыгнул.

Я поглощаю рельсы. Ехать — совсем не то же, что строить. Я потребляю много рельсов. Мне кажется, они совершенно естественны и существовали всегда, как тайга, которую они пересекают.

Железная дорога тянется по ландшафту, и сама она — тоже часть ландшафта. Будто не стоила никакого труда. И я думаю: когда слишком долго видишь вокруг себя только готовые вещи, душа превращается в потребителя, ты как бы лишен чувств. Создавая, начинаешь приходить в себя.

Перевела с немецкого Г. ЛЕОНОВА

К ФЕСТИВАЛЮ ИНДИИ В СССР

ИНДИЯ СЕГОДНЯ

Индира ГАНДИ

Индия — мир в себе. Она слишком велика, слишком сложна, чтобы суметь описать ее, каким бы исчерпывающим это описание ни было. К тому же она в разгаре перемен. Я сама, прожив здесь всю свою жизнь, проехав тысячи километров, побывав и в самых знаменитых городах, и в самых труднодоступных районах, не могу утверждать, что все видела и все поняла в своей необыкновенной стране. Без сомнений, ни одна нация не накопила столь богатого опыта столь многовековой цивилизации. Но таковы знания: чем больше стремишься их приобрести, тем глубже становится тайна, тем чаще понимаешь, что все еще только предстоит открыть.

Вот почему я могу лишь выделить некоторые из силовых линий, которые сформировали характер, присущий нашему народу.

Невозможно получить представление о стране, сравнивая ее с другими странами. Предвзятым Индия не открывается. Она не похожа ни на что другое, может быть, ее вообще нельзя понять до конца. Но если взглянуть на нее внимательно и открыто, она сумеет поделиться с вами своими новыми мыслями. Нужно уметь смотреть не только на ее бедность, жару и пыль, чтобы увидеть то, что дало ей способность выжить, когда столько цивилизаций кругом рассыпались в прах.

Индия, славящаяся на весь мир своими богатствами: драгоценными камнями и слоновой костью, пряностями, дорогими тканями, своими умельцами,— не могла не манить завоевателей. Многие приходили к нам грабить и творить насилие. Но почти все они оставались в Индии, поглощенные ею, и все вносили какой-либо новый элемент в нашу сложную культуру. Наше богатство оставалось при нас.

Европейский завоеватель был совсем иным. Он пришел, чтобы торговать, но не сумел воспротивиться соблазну, сулившему ему еще большую выгоду. Он добился своего силой оружия, шантажом и предательством. Мы сами отчасти виноваты в том, что произошло. Если бы не слабость и разобщенность, правившие Индией в ту пору, если бы нам не изменил наш творческий дух, если бы мы не отстали от технического прогресса на Западе, не так легко поддались бы мы на хитрости и уловки чужестранцев.

Колониализм принес в нашу земледельческую экономику разлад, нарушил ее сложившееся равновесие, внес хаос в традиционное распределение труда. Новый класс богатых землевладельцев возник из среды тех, кто бросился помогать своим новым хозяевам. Как иначе мог удержаться в Индии империализм, если не угнетением, убийствами и разрушением человеческих отношений между индийцами? По его вине страна, славящаяся своими богатствами, вконец обеднела. Во множестве появились охотники до наживы всех мастей, и родились новые проблемы.

Восстание разразилось в 1857 году[1]. На Западе его назвали бунтом, но мы видим в нем организованное выступление. Увы, его преждевременность обернулась во вред индийцам...

Ошибочно было бы думать, что Великобритания принесла в Индию демократию. Маркиз де Зетланд писал о старинных буддийских собраниях: «Многие бы удивились, узнав, что в буддийских собраниях в Индии более чем двухтысячелетней давности присутствовали зачатки нашей парламентской демократии...»

Несмотря на свежий ветер, подувший в результате контактов с западными странами, колонизаторы препятствовали любым переменам и прогрессу, который они же и обещали нашей стране. Задолго до того, как Черчилль в 1942 году объявил, что Атлантическая хартия[2] неприменима к Индии, индийцы понимали, что политические принципы, которыми руководствовалась Великобритания, рассчитаны только на ее родной остров, они не для индийцев. Тем не менее справедливо признать, что прогресс Европы не мог принадлежать только одному континенту. Многие умы Индии черпали в нем вдохновение, стремясь преобразить индийское общество и дать ему место под солнцем.

Не перестаю восхищаться, сколько замечательных людей дала Индия в период колониального порабощения. Талантливые и безгранично широко мыслящие, эти люди, горящие каждый своим огнем, по-своему прокладывали путь к будущему возрождению.

В Ганди[3] мы видим отца индийской нации. По тому, как каждый из нас понимает этого человека, мы меряем свое собственное развитие. Потребуется не одно десятилетие, чтобы суметь по достоинству оценить размах дела Ганди. Из несчастных и забитых существ он выковал народ, безбоязненно заявляющий о своем праве быть свободным. Помимо перемен, которые он принес на международную арену, еще значительней его влияние на духовный мир

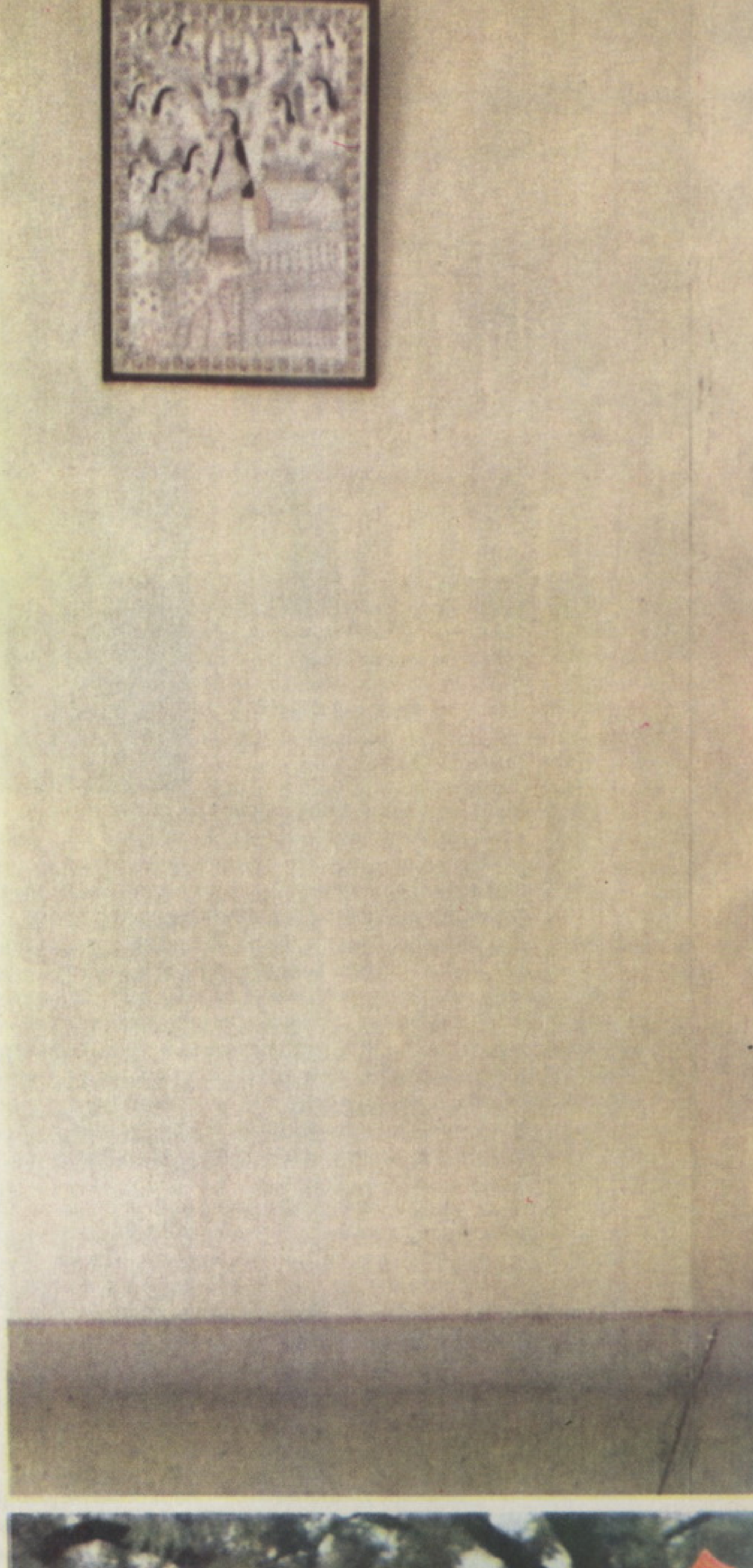
Индира Ганди (1917—1984) — выдающийся политический и государственный деятель Индии, долгие годы была премьер-министром республики.

[1] *Индийское народное восстание 1857—1859 годов.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Декларация глав правительств США и Великобритании Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля, подписанная 14 августа 1941 года, в которой в общем виде говорилось о целях второй мировой войны и послевоенном устройстве мира.*

[3] *Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди (1869—1948). Очерк о нем читайте в № 7 «Ровесника».*

каждого из нас. Он изменил атмосферу в обществе, смел барьеры дискриминации. Он был неколебимым сторонником ненасилия и мирных методов: средства для него значили не меньше, чем результат.

Все вероучения говорили о мире и истине. Но гений Ганди превратил мечты о мире и стремление к истине в оружие нашей борьбы за независимость, победившей благодаря массовому движению мирного и ненасильственного отказа от сотрудничества с колонизаторами. Верно понимая духовный мир своего народа, он дал ему свой голос и сказал о том, что так долго вызревало под спудом.

Махатма Ганди и те, кто был вместе с ним, не видели никакого противоречия между утверждением ненасилия и советом, который давал Кришна Арджуне[4], — не избегать войны. Неру объяснял это так: совершенно очевидно, что идея ненасилия относилась скорее к мотивировке поступков, к отсутствию помыслов о насилии, к самооценке и сдерживанию гнева и ненависти, чем к воздержанию от применения силы, когда это необходимо и неизбежно.

Уже во время борьбы за независимость мы были глубоко убеждены, что освобождение будет не только концом иностранного господства, но также зарей нашего возрождения, преодолением нищеты, неравенства, угнетения, узости взглядов и предрассудков всякого рода.

Отсюда значение, которое придавалось свадеши — бойкоту неиндийских товаров, и клятве носить одежды из домотканых материалов. Это был своего рода боевой клич, но в результате получили работу и, стало быть, экономическую независимость крестьяне. Под руководством Ганди Индийский национальный конгресс, первоначально небольшая группа единомышленников, стал массовым движением, чья программа гражданского неповиновения потребовала и жертв, и суровых испытаний. Попасть в тюрьму за народное дело считалось у индийцев почетным правом.

Мы привыкли видеть в Ганди типичного индийца. Действительно, такая личность могла появиться только в Индии. Ганди пробудил в народе инстинкты и стремления, уходящие корнями в глубь индийской культуры. Он был голосом

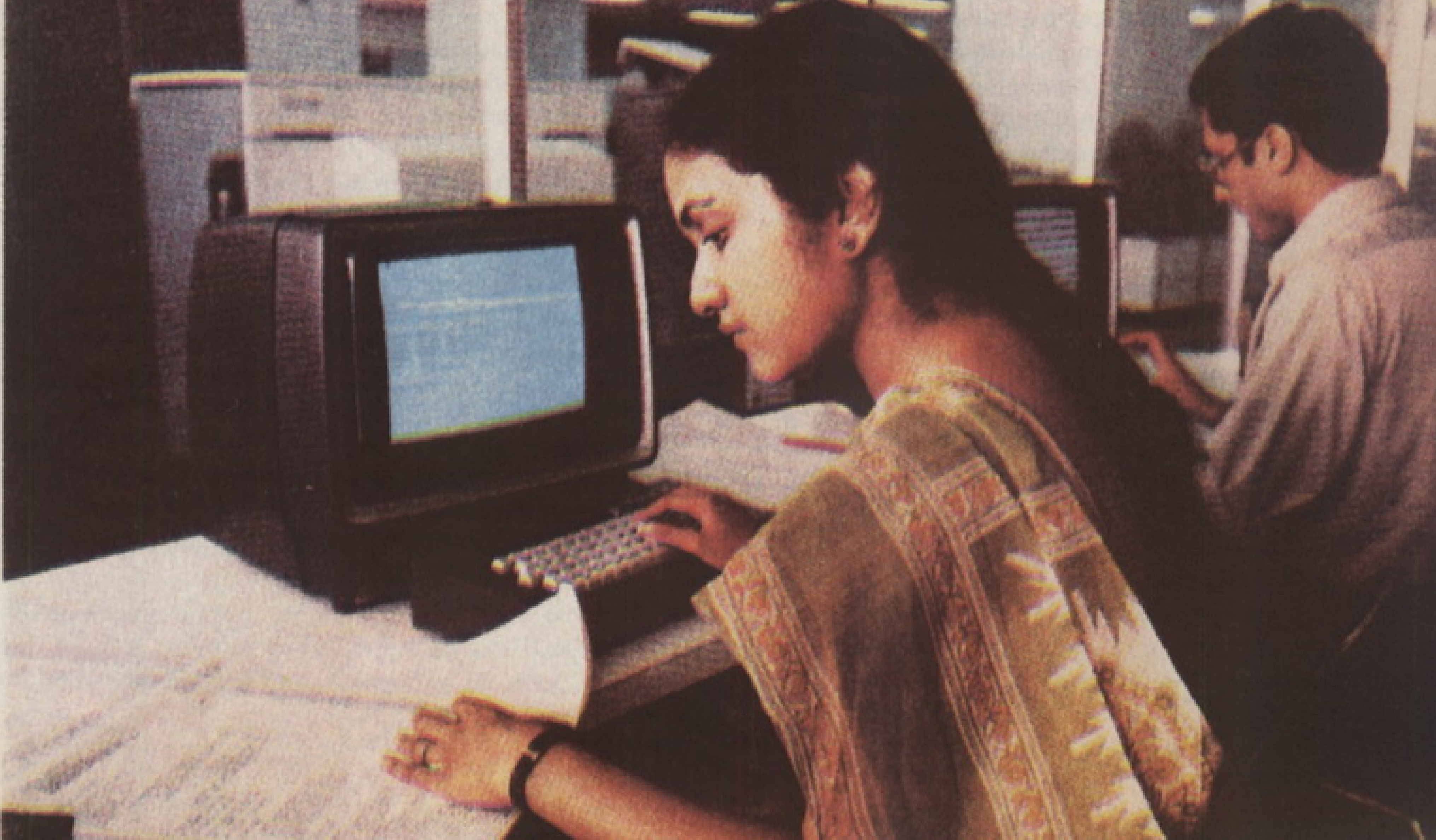
на стр. 10 ▶

[4] *Имеются в виду герои древнеиндийского эпоса «Махабхарата», вторая половина II тысячелетия до нашей эры.*

На этих страницах лики Республики Индии, свято хранящей древние традиции и смело шагающей в ногу с веком. На снимках (в е р х н и й р я д): современные индийцы учатся играть на 19-струнном инструменте, насчитывающем не одно тысячелетие; классический танец Южной Индии; (н и ж н и й р я д): демонстрация в поддержку политики правительства Раджива Ганди; пульт управления атомной электростанции; Бомбей. Программисты у дисплея ЭВМ.

▼ со стр. 8

Индии. Тем не менее нельзя отрицать влияние, которое оказала на Ганди Западная Европа. До того как надеть дхоти, он ходил в европейском костюме. Европа произвела на него глубокое впечатление, и этот опыт в какой-то степени сделал его еще больше гражданином Индии и всего мира. Эйнштейн заметил: «Будущие поколения с трудом поверят, что такая личность во плоти жила на земле». Но мир далеко не сразу признал величие Ганди. Сегодня его идеям уделяют куда больше внимания, чем раньше...

Ганди назвал своим преемником Неру[5]. Он был убежден, что Неру понимает его основополагающие принципы и будет действовать сообразно их духу, и еще потому, что Неру, без сомнений, был избранником своего народа. Неру любил свой народ и был горд своим индийским происхождением. Он писал: «Хотелось бы, чтобы кто-нибудь, вспомнив обо мне, сказал: «Вот человек, который любил Индию и индийцев всем сердцем и душой, и они были снисходительны к нему...»

Для Неру было важно, чтобы мы не оторвались от своих корней. Последовательное осуществление его принципов дало Индии положение и авторитет на международной арене куда более весомые, чем могли ей позволить ее экономическая и военная мощь. Ни на один миг Неру не отошел от заветов Ганди: всеми силами помогать бедным, стараться каждому гражданину дать шанс, не причинять никому зла, даже своим врагам...

С момента обретения независимости Индия оказалась перед лицом гигантской задачи и в тяжелейших условиях. Разделение страны[6] принесло неизмеримые человеческие страдания, и эти раны еще не зарубцевались. Десятки лет спустя во время войны между двумя странами[7] отцы и дети оказались по разные стороны линии боевых действий. Из траншей противника люди спрашивали о новостях родной деревни, о друзьях...

Другой трагедией, постигшей страну, было убийство Махатмы Ганди. «Свет наших дней угас,— сказал Неру.— Но жизнь должна продолжаться, нация должна сохранять веру в себя и отстаивать свое будущее». И Неру добавил: «Но я ошибся. Свет, озарявший нашу страну в течение стольких лет, будет гореть еще долгие годы, и через тысячу лет он будет по-прежнему ярок, весь мир увидит, сколь он чист». Самой своей жестокостью эти удары подготовили Индию к будущим испытаниям.

В первую очередь стране предстояло в течение одного-двух поколений удовлетворить основные потребности одной шестой части человечества. И никакого опыта, который мог бы нам помочь. Наши поиски решений и ошибки нас многому научили. Во все сферы проникла мысль о том, что нам необходимо пересмотреть и отказаться от упрощенческой схемы, которая сужает взгляд на прогресс Индии, уделяя больше внимания вещам, нежели людям. Наше понимание жизни должно быть шире и нацелено на человека не как простую статистическую единицу, а как личность. Решение этих проблем не может ограничиться побочными аспектами, но должно стать неотъемлемой частью эволюционного процесса.

Политика Неру, наша политика, поставила науку на службу крестьянам, призвав их улучшить свои жизненные условия. Если местами допускались ошибки, то виновна в них не наука, а чрезмерный энтузиазм... Необходимо находить равновесие между старыми и новыми методами. Фактически вторые должны дополнять первые, но не заменять их полностью.

Любой путь нелегок, его не сделаешь короче, чем он есть. Мы могли бы держаться за прошлое или, наоборот, отказаться от него, но выбрали самое трудное — синтез.

Через долгие годы истории мы пришли к настоящему. Можно, не погрешив против истины, сказать, что в современной Индии соединились все века ее истории. Гигантская древняя статуя Тримурти стоит прямо напротив Тромбея, что на другой стороне Бомбейской бухты: там возведена наша первая атомная электростанция. Во многих древнейших центрах паломничества расположились наши самые современные предприятия...

Тревожные темпы роста населения — не результат увеличения рождаемости, но следствие улучшения здравоохранения и падения детской смертности. Не будем забывать, что страны, население которых составляет сотые доли населения Земли, потребляют большую часть мировой добычи полезных ископаемых и топлива. Вот почему, говоря об истощении природных ресурсов и загрязнении окружающей среды, следует учитывать, что каждый новый житель стран с высоким уровнем жизни равен многим жителям в странах Азии, Африки, Латинской Америки, где уровень жизни значительно ниже.

Нельзя быть по-настоящему человечным, если не смотреть на своих ближних и на все живое глазами друга. С того дня, когда человек заметил, что может подчинить природу своим целям, он изменяет окружающую среду. Человек — только часть природы, один из многочисленных видов, населяющих Землю. Но своей эксплуатацией он превратил ее в свою колонию.

Действительно ли неизбежен конфликт между развитием технологии и подлинно лучшим миром, между духовным ростом и ростом уровня жизни? Неизбежен конфликт не между отсталостью и прогрессом, но между уважением к окружающей среде и безудержной эксплуатацией Земли во имя эффективности или прибыли. Виной тому не сама наука или техника, но лживость ценностей общества, которое слепо к перспективам завтрашнего дня. Наш долг доказать обездоленному большинству земного шара, что экология и охрана ресурсов не противоречат их интересам, но обещают им лучшее будущее.

Проблема защиты окружающей среды в развивающихся странах не является побочным эффектом чрезмерно бурного развития их промышленности, наоборот — следствием недостаточного развития. Развитые страны могут с легкостью обвинять прогресс в разрушении природы, для нас же он — главное средство сделать жизнь человечной, дать воду, пищу, здоровье и жилище населению, сделать пустыни цветущими, а горы обитаемыми.

Наши предки придавали огромное значение экологии и учили не брать у земли больше того, что мы можем ей вернуть. Об этом думал Тагор[8]. Из всех, кого я знала, он кажется мне самым индийским из индийцев. Он основал свой университет вдали от городов не ради того, чтобы оградить себя от жизни, но чтобы еще полнее участвовать в ней. Он умел чувствовать красоту и природу, но особенно взволнованными становились его слова, когда он говорил о страданиях, о жестокости, об ужасе нищеты. Он был индийцем потому, что воплощал в себе те качества, которые мы считаем в себе главными: терпимость, сознание того, что каждый из нас — и отдельное целое, и часть всех нас. Благодаря этим качествам он и был революционером. В Шантиникетоне он создал университет, где совершал революцию в образовании. Он хотел, чтобы цивилизация вновь обрела свои корни. И того же он желал Индии. Он творил во имя того, чтобы исчезло невежество, суеверие, фанатизм и предрассудки.

Что предвещает нам будущее? Изменение — закон жизни, и Индия будет меняться. Может случиться, что вместе со злом погибнет и часть ее доброты, но глубинная Индия останется, и наша культурная традиция будет жить.

Человек в Индии, как и везде, должен пройти долгий путь, чтобы понять самого себя и совершить все, что он в силах совершить, примириться со вселенной и жить в ней не как завоеватель, а как ее часть и друг.

Перевел К. СЕРГИЕВСКИЙ

---

[5] *Джавахарлал Неру (1889—1964) — выдающийся политический и государственный деятель Индии, с 1947 года и до конца жизни занимал пост премьер-министра Республики Индии. Очерк Дж. Неру о Советской России читайте в № 7 «Ровесника».*

[6] *15 августа 1947 года на территории Индии возникло два новых независимых государства: Индия и Пакистан.*

[7] *Имеется в виду военный конфликт между Индией и Пакистаном в 1966 году.*

[8] *Рабиндранат Тагор (1861—1941) — индийский писатель и общественный деятель.*

ПУТЬ К ПРОЗРЕНИЮ

Теодор ТЭЙЛОР,
американский физик,
участник форума
«За безъядерный мир,
за выживание человечества»

В 50-е годы я занимался в основном разработкой новых тогда концепций, как, например, сделать ядерное оружие более компактным, мобильным, точным для нанесения ударов по городам противника, предположительно СССР. Работа мне очень нравилась. В области вооружений происходили грандиозные перемены, и предо мной как перед ученым открывались такие перспективы, о каких я мог только мечтать. Меня переполняли энтузиазм и радужные надежды. Я работал рядом с Эдвардом Теллером, Энрико Ферми, Робертом Оппенгеймером! Сам президент США Гарри Трумэн считал наши исследования чрезвычайно патриотическими, так же, как и многие члены конгресса. Я познакомился с некоторыми из них — я, никому не известный начинающий ученый. Конечно, я был на седьмом небе от счастья.

Летом 1945 года, когда атомная бомба была сброшена на Хиросиму, я, закончив Калифорнийский технологический институт, получил степень бакалавра физики. Бомбардировка Японии была для меня потрясением: вот на что способен расщепленный атом! Мог ли я подумать тогда, что всего четыре года спустя буду участвовать в создании водородной бомбы!

Поступив в аспирантуру Калифорнийского университета, я увлекся теорией ядерной физики до такой степени, что забросил все остальные предметы и в 1949 году завалил экзамены на получение докторской степени. Я оказался за воротами университета — ученый без степени и без работы. Я недавно женился, и у нас родился ребенок.

И вот тут меня пригласили работать в Лос-Аламос, секретную военную лабораторию Пентагона, где была создана атомная бомба. Можно было бы сказать, что я совсем не представлял, чем занимается лаборатория, или полагал, будто результаты моей работы могут понадобиться в мирной области. Нет, тогда меня беспокоило не это. Меня волновал другой вопрос: смогу ли я выглядеть достойно рядом с Теллером и Ферми.

По двадцать четыре часа в сутки пропадал я в лаборатории, многозначительно помалкивая дома о том, чем там занимаюсь. И вот однажды утром, когда я и жена завтракали на кухне, а ребенок спал, президент Трумэн выступил по радио. Он заявил, что дал «добро» на программу создания водородной бомбы. Я, надувшись, обронил: «А я все гадал, когда же он решится заявить об этом во всеуслышание». Мол, мы с президентом давно все знаем в отличие от тебя, моя милочка. Жена очень рассердилась. Вообще она у меня спокойная-спокойная, за всю жизнь сердилась несколько раз, и это был один из тех редких случаев. «Так вот чем ты занимаешься,— воскликнула она.— Зачем ты это делаешь? Чтобы убивать как можно больше людей?» Я должен был что-то ответить. Я не мог сказать: «Мне все равно, что ты думаешь по этому поводу». Я ответил: «Мы в Лос-Аламосе работаем на мир, потому что делаем войну невозможной». Хотя, думаю, не очень верил в то, что говорил. Наверное, я не хотел признаться и самому себе в правде, иначе как бы я жил с этим?

А через год мы начали войну в Корее, потом — во Вьетнаме. Но тогда, в 1949 году, я избегал вопросов, жена ни о чем не спрашивала. Как говорят у нас в США, в семейном шкафу поселился скелет, крепко-накрепко закрытый на замок от посторонних глаз. Но мы-то о нем знали. Конечно, я мог бы сказать, что должен заботиться о благосостоянии семьи, что делаю карьеру, я хорошо зарабатываю, да просто боюсь остаться без работы, без средств к существованию! Но я знал, не это главное. Я был влюблен в свою работу в Лос-Аламосе, буквально заболел ею, я был пьян чувством собственной значительности: я — человек, стоящий у истоков великих научных открытий. Думаю, так человек становится алкоголиком, наркоманом: эйфорическое чувство собственного величия, тяга испытать его вновь и вновь оказываются непреодолимыми.

Однажды на вечеринке, куда я пришел с женой, мы с Ферми уединились в дальнем углу гостиной. Я говорил, Ферми увлеченно слушал. И тут я поймал на себе взгляд жены — и увидел в нем такое отчаяние. Мне и в голову не приходило, что жена может страдать. Мы, что называется, считались счастливой парой. Правда, меня практически не бывало дома, все заботы по хозяйству, уход за ребенком легли на нее. А я пропадал в лаборатории, это стало называться «папочкиной работой». Но жена никогда не жаловалась.

Я решил: жена, конечно, обижена, что я не посвящаю ее в свои дела. Лишь значительно позже я понял, причина была в другом: она осуждала то, чем я занимался с таким удовольствием, но мне ничего не говорила.

В тот 1949 год вы, русские, создали-таки собственную атомную бомбу, и мы в Лос-Аламосе считали, что должны качественно усовершенствовать наш ядерный арсенал и тотчас достичь недосягаемого военного превосходства. Повторяю, все, что мы делали, считалось очень патриотичным.

Помню, как рисовал окружности на карте Москвы, вокруг Красной площади, рассчитывая зоны поражающего действия ядерного взрыва. А сегодня, спустя несколько десятков лет, оказался в Москве, встал на Красной площади и смотрел на гулявших людей, которых когда-то был готов уничтожить. Нет, о людях я тогда не думал, я думал только над научными решениями.

Первые сомнения относительно того, чем я занимаюсь, посетили меня во времена «охоты на ведьм», после судилища над Оппенгеймером. Ученый, для меня непререкаемый научный авторитет, возражал против создания водородной бомбы. Поэтому он предстал перед судом по обвинению в антиамериканской деятельности. Давая свидетельские показания, Теллер заявил: позиция Оппенгеймера угрожает национальной безопасности США. Я был подавлен случившимся.

Первую водородную бомбу испытали в 1952 году. В тот момент я находился в Лос-Аламосе, по-прежнему считая, что мы должны сделать все возможное, чтобы вырваться вперед, оставить русских далеко позади. Мы уже планировали оснастить ядерным оружием межконтинентальные ракеты, я с энтузиазмом работал на молох войны. Конечно, я понимал, что когда-нибудь и русские создадут водородную бомбу, но не думал — так скоро. Не прошло и года, как Советский Союз догнал нас. Гонка вооружений раскручивалась с устрашающей быстротой, наша работа требовала от нас все большей отдачи.

В Лос-Аламосе я получил высокую научную квалификацию: в 1954 году был удостоен степени доктора физики.

За годы моей работы в Лос-Аламосе количество атомных бомб с нескольких штук увеличилось до нескольких тысяч. Масштаб этой разрушительной силы уже не укладывался в голове. Война во Вьетнаме отрезвила меня: огромный ядерный потенциал, как выяснилось, не предотвращает войну. А вдруг в дело пойдут атомные бомбы и весь этот ядерный погреб взорвется к чертям?

Трудно объяснить, как это случилось. Я понял неожиданно, сразу: если не начну делать совершенно обратное тому, чем занимался до сих пор, то буду самым несчастным человеком на свете. Жена потянулась ко мне как ребенок. Я не представлял, насколько глубоко, оказывается, переживала она все, что было связано с моей секретной работой. Ни отказ от надежного заработка, ни смутность будущего ее не пугали. Она с энтузиазмом бросилась меня поддерживать. Дети тоже обрадовались — их у нас к тому времени было четверо,— хотя они никогда ни о чем меня не спрашивали, но, как я понял, о скелете в шкафу они знали.

Недавно совершенно случайно я узнал от детей, с каким ужасом слушали они мои семейные лекции по гражданской обороне (единственная открытая тема, где я имел право обнаружить свои познания). Я считал: моя семья обязана психологически подготовиться к возможности ядерной войны. Я еще верил, что в такой войне можно победить и выжить. Дети, теперь уже взрослые, до сих пор помнят страшные детали моих описаний, но тогда никто из них ни о чем не спрашивал. А мне-то казалось, что они ничего не понимают, совсем малыши, ходят себе в школу и ни о чем не беспокоятся.

Вьетнамская война будто сняла пелену с моих глаз, я принял решение уйти из Лос-Аламоса. Вскоре мне предложили работу старшего научного консультанта в «Дженерал дайнемикс», где я стал работать над проектами использования ядерной энергии в мирных целях. Но опыт, полученный в Лос-Аламосе, словно преследовал меня. В 1964 году я оказался на службе в учреждении при министерстве обороны, в Агентстве ядерной обороны. Мне казалось, моя работа — исследование последствий применения ядерного оружия — послужит интересам контроля над гонкой вооружений. Увы, оказалось, все цели агентства сводились к одному — подстегиванию гонки, проталкиванию новых видов оружия.

Я ушел из министерства обороны. Я чувствовал, что лично ответствен за людей, которые мне близки — у нас пятеро детей, девять внуков,— я спрашивал себя, к какому миру мы идем? Если этот мир такой, к какому мы идем сейчас,— страшно. Но если спросить себя, к какому миру нам следовало бы идти, что бы я ответил?

У нас были кое-какие сбережения, так что некоторое время мы могли продержаться. Жена, конечно, беспокоилась, что будет с нами потом, когда деньги кончатся, но одобрила мое решение. А я собирался найти себе такое поле деятельности, где реально мог бы что-то делать, чтобы изменить наш курс, ведущий к войне.

Друзья посоветовали уехать в Австрию, в Вену, где существует международная организация, занимающаяся вопросами контроля над вооружениями. На свой страх и риск мы всей семьей отправились туда. Мне удалось получить работу консультанта.

Никогда мы не были так счастливы. Я обсуждал с женой и детьми все, чем занимаюсь. Но мой контракт кончился через шесть месяцев, я-то надеялся хотя бы на два года.

Снова США. Поиски приемлемой работы. О возвращении к военным исследованиям не могло быть и речи. Это означало бы навсегда погрузиться в пучину болезни, в эйфорию безумия, ведущего к катастрофе. Признаться, в то время я не думал включаться в движение протеста. Меня интересовал лишь вопрос личного спокойствия, согласия с самим собой.

Не прошло и года, дела мои нормализовались. Я стал работать в корпорации, занимающейся технологическими исследованиями. Принстонский университет удостоил меня звания профессора, я читал лекции, в частности, по контролю над ядерными вооружениями. Теперь работаю в корпорации НОВА, занимающейся очисткой и промышленным использованием водных ресурсов.

Некоторое время я жил, можно сказать, со спокойной совестью, пока в 1983 году президент США Рейган не выступил с так называемой «стратегической оборонной инициативой» (СОИ). Я прекрасно понимаю, что создатели космического оружия опьянены открывшейся научной перспективой, как был одурманен когда-то я сам, работая в Лос-Аламосе. Им опять требуются оправдания, любые, самые странные аргументы, чтобы объяснить, почему они этим занимаются, женам, матерям, детям.

Президент Рейган говорит, что СОИ сделает ядерное оружие ненужным, СОИ приведет ко всеобщему ядерному разоружению. И некоторые верят этому, потому что отчаянно хотят разоружения, отчаянно хотят, чтобы не было войны.

Сначала была атомная бомба, потом водородная, теперь — космическое оружие. Каждый раз один и тот же аргумент — военное превосходство Америки предотвратит войну. Но если мы создадим такое оружие, Советский Союз будет вынужден создать нечто подобное.

15 января 1986 года Михаил Горбачев предложил программу ядерного разоружения к 2000 году. А за шесть месяцев до его Заявления я сделал подсчеты, в какие сроки можно было бы провести всеобщее разоружение, и назвал ту же самую дату. Я занимался этим исключительно для себя, заявить о результатах, думал я, значило бы прослыть мечтателем. И тут руководитель одной из двух «сверхдержав» говорит то, что хотел бы сказать я!

Мне пришлось пережить глубокое разочарование: моя страна, руководство моей страны не захотело повторить

эти слова. Вместо этого форсировалась программа «звездных войн». В то время как Советский Союз соблюдал мораторий на ядерные испытания, мы взрывали атомные бомбы в Неваде. На экраны вышел чудовищный и чрезвычайно «патриотичный» фильм «Америка», в котором «жестокие» русские оккупируют США. (Кстати, Крис Кристофферсон, снявшийся в главной роли, тоже участник форума здесь, в Москве.)

Самое страшное, что СОИ не только не сделает ядерное оружие «ненужным», но стимулирует появление новых видов вооружений. Осуществление СОИ потребует ядерных взрывов в атмосфере, то есть нам придется нарушить еще один договор, которого мы придерживались двадцать пять лет.

Есть такое мнение: чтобы остановить гонку вооружений, Советский Союз и США должны найти общего внешнего врага, например, инопланетян. Лет двадцать назад у нас был популярен такой комикс: его герой, отправившийся на поиски внешнего врага, делает заявление: «Мы нашли врага, но оказалось — это мы сами!» Наш враг — образ нашего мышления: власть держится на военных победах. Так мыслил Цезарь, так мыслим мы. Но в ядерный век такое мышление теряет всякий смысл.

Но мы, США, хотим быть самыми сильными в мире. Ладно, тогда приведу аргумент моего приятеля из Вашингтона Льюиса Бона. Власть лишь тогда сильна, говорит он, когда отражает настроение большинства людей, над которыми она осуществляется. Не думаю, что в США есть люди, которые хотели бы ядерной войны. Многие считают, что нынешняя администрация ведет страну к войне, то есть действует против желания людей, над которыми осуществляет власть. Ни один человек, ни группа людей не способны на определенное время удерживать власть, если не будут стремиться к полному удовлетворению желания людей жить лучше. Тем, кто стоит у власти, пора понять, что они будут сильными лишь в том случае, если действуют на благо людей.

Наше стремление быть самыми сильными в ущерб другим влечет за собой еще более страшные последствия. Когда я в Пакистане, Бразилии, Аргентине спрашиваю: зачем вы стремитесь к обладанию ядерным оружием? — мне отвечают: «А почему ВЫ ОБЛАДАЕТЕ ядерным оружием?» Увы, я уверен, в такой ситуации состав ядерного клуба будет быстро расширяться.

Из-за обостренной ситуации в странах «третьего мира», например, на Ближнем Востоке, наличие там ядерного оружия было бы особенно опасно. Но покуда ядерные державы сохраняют огромный ядерный потенциал, не делая попыток к его сокращению (я не говорю о Советском Союзе, который в этом смысле ведет себя куда лучше, чем остальные партнеры по ядерному клубу), все новые страны будут включаться в ядерную гонку.

Вчера я обсуждал с советским коллегой возможность осуществления совместного советско-американского проекта по очистке вод. Вот общая проблема для СССР и США. Другую возможность предлагает знаменитый американский ученый Карл Саган («Ровесник» опубликовал его статью «Вместе на Марс» в № 12 за 1986 год.— *Ред.*) — совместное мирное освоение космического пространства. Подобные программы могут начаться хоть завтра без всякого риска для кого бы то ни было и с выгодой для всех. Возможностей бесчисленное множество, у человечества накопилось столько общих проблем, что мы просто обязаны сотрудничать, чтобы их решить. С другой стороны, сотрудничество — лучший способ предотвращения войны. Это и будет новое мышление, к которому призывает Михаил Горбачев. Впервые в истории человечества у нас появилась реальная возможность избавиться от неизбежности войн.

Администрация США закрывает глаза на такую возможность. Военно-промышленный комплекс имеет влияние на политику страны только потому, что деятельность по производству оружия считается очень патриотической. Я повторяю, такой образ мышления — болезнь. Оружие рождается в лабораториях. Я предостерегаю своих коллег: первое возбуждение перерастает в неизлечимое пристрастие. Если концепция «звездных войн» сработает, милитаристское мышление обретет еще большую силу.

Да, эта болезнь смертельно опасна. Единственный способ борьбы с ней — остановиться. Это точно так же, как с алкоголиком. Он может не знать, что болен, ему может казаться, что он способен контролировать ситуацию. У него рушится семья, он теряет работу — тогда к нему приходят друзья и говорят: ты должен признать, ты тяжело болен. Единственное, что тебе остается,— никогда не притрагиваться к спиртному, иначе болезнь погубит тебя. Я знаю, окажись я снова в Лос-Аламосе, я не смогу преодолеть соблазна, буду увлеченно работать над решением поставленных задач.

Мы, ученые, обманываем себя, когда говорим: пока мы ведем лишь исследовательскую работу, на определенном этапе всегда можно остановиться. Нет, как алкоголик не способен контролировать свои действия, так изобретатели оружия не способны контролировать производство оружия. Не выйдет: сказать себе — проведем одно-два испытания, а потом остановимся. Полное прекращение всех испытаний — вот единственное средство.

За неделю перед форумом мне позвонил Карл Саган и спросил, хочу ли я принять участие в акции протеста на ядерном полигоне в Неваде. Да, сказал я, хотя никогда до этого ни в каких акциях гражданского неповиновения не участвовал. Почему я согласился? Советский Союз продолжал соблюдать мораторий на ядерные взрывы. За это время США в Неваде провели двадцать четыре ядерных испытания, на 5 февраля было назначено двадцать пятое, не просто испытание — издевка над мнением американского народа, взрыв наших надежд на скорейшее обуздание гонки вооружений.

Советский Союз проявил огромное терпение, ожидая, что США присоединятся к мораторию. Но предупредил, если в новом, 1987 году опять будет проведено ядерное испытание, он складывает взятые на себя в одностороннем порядке обязательства. (Советский Союз изъявил готовность в любой момент прекратить вынужденное возобновление испытаний, если США поступят так же.— *Ред.*) Восемьдесят процентов американцев высказались за запрет на ядерные испытания. Но правительство не пожелало их услышать. Поэтому я решился на «незаконные» действия.

Когда я приехал в Лас-Вегас, ядерное испытание уже провели. Вместо 5 февраля взрыв осуществили тайно, на два дня раньше срока. Правительство посчитало, что мы разъедемся по домам. Но мы, две тысячи человек, все-таки провели демонстрацию. Обнявшись за плечи, мы рядами прошли в запретную зону, где нас уже ждали машины полиции. Нас снимало телевидение: как мы шли, как нас арестовала полиция.

Четыреста тридцать восемь человек предстали перед судом. С нами обошлись очень учтиво. Учтиво приговорили к большим штрафам, но мы не видели осуждения на лицах судей и полицейских. Думаю, что, действуя в рамках закона, душой они все-таки были с нами.

Важно то чувство, которое я испытал. Я почувствовал уверенность, что общественное требование ядерного разоружения подошло к критической точке. Пусть нужно пройти еще долгий путь, чтобы возникла сила, способная изменить положение вещей, но переходный момент наступил.

В демонстрации на полигоне в Неваде приняли участие такие известные в США люди, как генеральный прокурор Рамсей Кларк, аналитик Пентагона Даниэль Элсберг, киноактер Крис Кристофферсон, снявшийся в «Америке», ученый Карл Саган, семь конгрессменов. В следующий раз нас будет в два, а может быть, и в четыре раза больше.

Я бы охарактеризовал движение за ядерное разоружение определением из теории физики, данным Энрико Ферми,— «сама себя сдерживающая сила, источник которой безграничен».

На пресс-конференции в Неваде неделю назад мне задали тот же вопрос, на который я вам отвечаю последние четверть часа: «Почему я изменил свои прежние убеждения и включился в борьбу за мир?» Думаю, это не просто совпадение?

Записал В. СИМОНОВ

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

РАЗВЕ ТАКОЕ ЗАБУДЕШЬ

Ингер-Маргрете ГОРДЕР,
норвежская писательница

С конца 1941 года Терезин, или Терезиенштадт, как его называли гитлеровцы, был превращен ими в крупнейший концлагерь на территории Чехии. Он же служил перевалочным пунктом для тысяч и тысяч узников, направляемых в Освенцим и другие лагеря смерти. О том, какая судьба ожидала этих несчастных — большинство погибло в газовых камерах,— обитатели Терезина ничего не знали.

С ноября 1941-го по май 1945-го город-концлагерь «принял» 15 тысяч детей. Выжило 92.

ПРАГА. 1982 год

Я брожу по музею, рассматриваю рисунки. Поразительно — они почти ничем не отличаются от рисунков сегодняшних детей. Вот семья за обеденным столом. А вот игра в классики... На многих рисунках дом: они выполнены с особой любовью. На окошках веселые занавески, кругом цветы, стены покрашены тщательно, ровно. И конечно же, солнце! Солнце, которое так любят рисовать дети всех времен.

Смотрю внимательнее. И замечаю, что кое-где в уголке рисунка есть еще один рисунок, поменьше, который не имеет ничего общего с основным. Это или голова мертвеца, или нары ярусами, или охранник с дубинкой. Перед одной работой — это аппликация — я стою долго-долго. Автор наклеил дорожный указатель. Одна стрелка указывает на Прагу. Возле этой стрелки стоит мальчик, он вырезан из цветной бумаги, очень яркой. Другая стрелка указывает в противоположную сторону, но надписи на ней нет. Возле этой стрелки тоже стоит мальчик, только вырезан он из такой бледной бумаги, что почти невидим. Похоже, обе эти фигурки — один и тот же мальчик. А над ним сияет бледное солнце...

Ко мне подходит старый человек. На вид ему за восемьдесят. Он представляется: Иржи Лаушер. Исконно чешское имя.

— Вас, наверное, удивляет,— говорит он,— что в большинстве своем рисунки такие веселые. Но ведь это воспоминания детей о родном доме, о цветущих лугах, где они играли, о любимых кошках, собаках, игрушках, сказках. Они рисовали это, чтобы выжить. Дети по натуре — оптимисты. Они видели вокруг себя и болезни, и смерть, и жестокость, но упрямо отказывались во все это верить. Они надеялись, что вернутся домой, и рисовали то, по чему стосковались, о чем мечтали.

— В лагере их чему-нибудь учили?

— Это было запрещено,— отвечает Иржи.— И тем не менее взрослые занимались с ними тайком. Они вообще много чего делали, чтобы скрасить детям лагерную жизнь. Моя жена,— добавляет он,— единственная учительница, которая осталась в живых. А наша семья — моя жена Ирма, дочь Микаэла и я — одна из немногих семей, что уцелели.

**Ирма ЛАУШЕР, учительница.
Родилась 1.5. 1904.
Отправлена с семьей
в Терезин 18.12.1942**

Обучение в нашей «школе» по своему уровню было ничуть не ниже, чем в обычных школах в мирное время,— такие у нас были прилежные, любознательные ученики. Нам не хватало книг, бумаги, красок, карандашей. Но не это главное. И детей, и учителей то и дело увозили из Терезина. Куда — мы не знали. Знали только, что обратно к нам они не вернутся. От всего этого душа разрывалась на части. А потом прибывали новые транспорты, с новыми детьми, которые чего только не пережили. Постоянная смена учеников и учителей — вот что было отличительной чертой нашей школы. Не говоря уже о постоянном страхе, что все раскроется.

Учебники у нас были самодельные. Для малышей я сделала по памяти «Азбуку». Однажды мы прочли в «книге» такое предложение: «Мы идем в лес».

— А что такое лес? — спросили ребята из Вены.

Я с трудом взяла себя в руки, чтобы не разрыдаться. Там, в Вене, фашисты не разрешали им выходить из гетто. Вот они и не знали, что такое лес. А вокруг Вены такие дивные леса!

Дети постарше, которые помнили, что было до Терезина, рассказывали, как они заживут, когда вернутся домой, в свою школу, к друзьям. Другие были слишком малы, чтобы что-либо помнить.

Из книги с одноименным названием. Осло, 1984 г. В основу книги, фрагменты из которой мы предлагаем вашему вниманию, читатель, легли свидетельства очевидцев, записанные норвежской писательницей, и документальные материалы, собранные одним из пражских музеев,— рисунки, стихи, дневники детей, в годы второй мировой войны оказавшихся в фашистском концлагере, устроенном на территории крепости в городе Терезине, в Чехословакии.

Хельга ГОШКОВА.
Родилась 10.11.1929.
Отправлена в Терезин
12-летней девочкой.
(Теперь она — известная художница.)

В лагере у меня была закадычная подруга. Ее звали Франка.

— Рисуй то, что видишь,— сказал мне однажды отец.

С того самого дня я перестала рисовать лишь бы рисовать. Мне было важно фиксировать все, что меня окружало,— это стало своего рода терапией. Мы с Франкой зарисовывали и тележки с трупами, и спящих измученных детей, и стариков... И все-таки мы не могли удержаться, чтобы не перенести на бумагу наши воспоминания о счастливых днях до Терезина: сказочные, невероятных размеров торты в день рождения, дети резвятся на свободе, мечты о Праге. А еще мы рисовали будущее: мы с Франкой взрослые и катим детские коляски.

Настал день, когда Франку отправили в Освенцим, она не вернулась. Франка и я, мы думали, что ее увозят в другой лагерь, где условия получше...

Мы с Франкой вели дневники. «Забудь о страданиях, но никогда не забывай, чему они тебя научили»,— написала однажды Франка. А в другой раз она написала: «Когда ешь картошку с брюквой, думай обо мне».

Микаэла ЛАУШЕР.
Отправлена в Терезин 6 лет.
Стихи написаны,
когда ей исполнилось 7

Не хочу ни с кем дружить,
всех друзей моих увозят.

ХЕЛЬГА. Из дневника, 1944

Отправляют очередной транспорт — старики. Десять тысяч больных, покалеченных, умирающих, всем — за 65... Почему они отсылают этих беззащитных людей? Я еще могу понять, почему они хотят рассчитаться с нами, молодыми: они, вероятно, боятся нас и не хотят, чтобы мы подросли. Но опасаться стариков?.. Неужели они не могут дать им спокойно умереть здесь, в Терезине?

Еще одна партия готова к отправке. Вон и носилки, и ручные тележки для перевозки трупов. Здесь все перевозят на этих тележках — и грязную одежду, и хлеб; у нас у самих возле дверей стоит такая.

Снова за окном грохочет тележка. На ней вещи и... неужели трупы? Не шевелятся. Разве такое забудешь?

Отощавшие, голодные, больные. Они.— еще живые — лежат на тележках для перевозки трупов. Много ли их доедет до места назначения? Много ли вернется назад?..

Из дневника неизвестной девочки
17 лет, незадолго до ее отправки
из Терезина

Наша бабушка уехала от нас — она стала номером 92 БХ. Что ее ждет? Мама устала, страшно устала. От усталости у нее слипаются глаза. Она работала сегодня с шести утра и вдруг — немедленно явиться на перекличку...

Однажды мы стояли на плацу с семи утра до семи вечера, там было много детей, несколько умерло.

Отправляют в Польшу. Что бы это значило? Собрать те немногие вещи, что еще остались, надеть на себя все, что еще осталось, доесть все, что осталось, и в путь.

Сегодня я видела чудесный сон. Мне приснилось, будто передо мной лежат десять пучков салата.

Петр ФИШЛЬ. Родился в 1929-м,
погиб в Освенциме в 15 лет

Мы привыкли выстраиваться в очередь за едой в семь утра, в полдень и снова в семь, уже вечером. Выстаивали длинную очередь с миской в руке, чтобы туда плеснули чуть теплой воды с привкусом соли или кофе. Иногда нам давали по нескольку картофелин. Мы привыкли обходиться без кровати, приветствовать любого человека в униформе... Привыкли к незаслуженным пинкам, тяжким побоям, казням. Привыкли, что люди умирают в собственных нечистотах. Привыкли видеть трупы, больных, заросших грязью, беспомощных людей, еле-еле передвигающих ноги. Привыкли к тому, что время от времени сюда привозят тысячи несчастных, а других несчастных увозят...

Иржи ЛАУШЕР. Родился 14.9.1901.
Отправлен в Терезин 18.12.42.
(По профессии столяр.)

Очень трудно было воспитывать детей как следует — честными, правдивыми, чуткими. На что уж наша дочка была маленькая, и то научилась — не уступала никому свое место в очереди за едой и отталкивала тех, кто пытался пролезть вперед. А ведь дома мы внушали ей, что сначала надо думать о других и уж потом о себе. Правда, в лагере вопрос стоял так: жизнь или смерть. Но одно дети знали твердо: у товарищей своих брать ничего нельзя.

Томми КАРАШ. Родился 28.5.1932.
Сейчас живет в Праге,
работает техником

Когда мы, дети из Терезина, встречаемся, мы часто вспоминаем нашу оперу. Герои спектакля — мальчик и девочка, брат с сестрой — потеряли отца. Их мать заболела, и им не на что было купить хлеба и молока. Тогда дети решили стать бродячими музыкантами, ходить по дворам, собирать в шапку монетки. На первых порах все у них шло хорошо, пока им не повстречался злой шарманщик Брундибар, так чехи называют большое кусачее насекомое. Он начал преследовать детей, отбирал у них деньги. Худо было дело, но, к счастью, на выручку им пришли школьники — они сумели одолеть Брундибара! В финале и школьники, и брат с сестрой, все пели: «Конец Брундибару, мы победили. А все потому, что мы заодно».

Я играл роль одного из школьников. До чего же это было здорово — участвовать в опере и петь в финале, что мы победили, потому что были заодно! Эта опера была про нас самих, она дарила нам надежду: и нашего Брундибара мы тоже сумеем одолеть! Нам было так важно выразить свое отношение к угнетателям.

Собственно говоря, опера была написана еще до интернирования. Либретто сочинил известный писатель Гофмейстер. А музыку — композитор Ганс Краса. В постановке было занято много детей, шли репетиции... Это было в Праге. А затем в Терезин отправили дирижера, потом Красу, потом детей. Кто-то взял с собой клавир оперы, и тогда репетиции начались заново. Ни одному театральному коллективу еще не приходилось работать в таких ужасающих условиях. Непрерывно сменялись певцы, музыканты, оформители: они болели, умирали, их увозили. Случалось, кто-то еще днем репетировал, а вечером, когда должно было состояться представление, его увозили из Терезина. Навсегда. Некоторые приходили на репетиции больные, без сил, а к вечеру, смотришь, воспряли. Это было делом чести — во что бы то ни стало не прекращать выступления.

Эту оперу показывали в Терезине годами. По мнению Красы (и других, кто ставил оперу), она исполнялась на одном дыхании, с необыкновенным энтузиазмом: дети, с которыми он репетировал в мирное время, ни разу не поднимались до такого высокого художественного уровня.

Не всегда пение сопровождалось музыкой — было трудно с инструментами. Но чаще всего какой-то выход из положения мы находили. ...Но однажды Красу тоже увезли. Навсегда.

Ирма ЛАУШЕР

Ожидали комиссию из Красного Креста, которой предстояло быстро осмотреть городок. Это было в 1944-м. В два дня Терезин был прибран и принаряжен. Все мы получили указания, кто что должен делать. Иржи, например, должен был заняться с детьми рисованием и мастерить горку для катания. Детям в этот день выдавали хлеб с сардинами — сардин не пожалели. Стоило комиссии уехать, как все вернулось на свои места. Наш рацион был существенно урезан.

Из дневника Дагмар ГИЛАРОВОЙ.
Отправлена в Терезин
в 15 лет в марте 1943-го

Вот смех: Терезин, похоже, хотят превратить в курортное местечко. Не знаю почему, но мне сразу вспомнилась сказка «Столик, накройся!». Приказы были получены вечером, а наутро мы не поверили своим глазам. Откуда что взялось? За три года мы уже привыкли, что все улицы без названия. Где

Магдебургские бараки или какие-нибудь еще бараки, знали и малые дети. А тут вдруг фашистам за одну ночь пришло в голову прибить на всех угловых зданиях таблички. И я уже живу не на Л410, а на Хаупштрассе, 10. Больницу за ночь превратили в школу: распихали куда-то всех больных, а само помещение покрасили, вымыли, завезли парты. Утром мы еще издали увидели табличку: «Кнабен унд мэдхеншуле» (Школа для мальчиков и девочек.— Ред.). Все это выглядело просто замечательно, чем не настоящая школа — не хватало лишь учеников и учителей! Но и эту помеху легко устранили — вывесили на дверях маленькое объявление: «Каникулы».

Ирма ЛАУШЕР

К концу 1944-го и в начале 1945-го по многим признакам мы догадывались, что назревают перемены. Одни приметы нас обнадеживали, другие нагоняли страх. По слухам, немцев разбили на всех фронтах, и русские были уже близко. Кто-то видел, как немцы жгли архивы. Одновременно поползли слухи, что людей, которых увозят из Терезина, отправляют на верную смерть. Мы услышали о газовых камерах... От человека, который совершил побег из Освенцима, был схвачен и оказался в Терезине. Он говорил об этом со знанием дела... Мы не верили ему... Мы не могли в это поверить, не хотели верить. Но мы были напуганы, а транспорты все шли и шли.

ХЕЛЬГА

В Терезин прибыла большая партия польских детей. Вид у них был изможденный. Серые от грязи лица — серьезные, морщинистые, как у старичков, а в глазах — дикий испуг. И все обриты наголо — из-за вшей. Нас поразило вот что: когда их повели в душ, они были просто в невменяемом состоянии. А ведь душ — это совсем не страшно. Или это было страшно — там, откуда их привезли... Может, они думали... думали, что... Мы не любили об этом говорить.

Ирма ЛАУШЕР

1 января 1945 года один малыш сочинил:

Жизнь начнется завтра,
когда мы соберем свои вещи
и поедем домой.

Его мечта сбылась в мае.

Микаэла ЛАУШЕР

Я не могла не думать о всех тех, кто не дожил до Победы, и все равно я радовалась. Мы все еще жили в Терезине, но уже могли гулять за крепостным валом, ходить в сад, в теплицы, собирать овощи. Никогда не забуду свой первый огурец. А еще мы катались верхом — русские разрешили нам покататься на их лошадях.

Перевела с норвежского
Нора КИЯМОВА

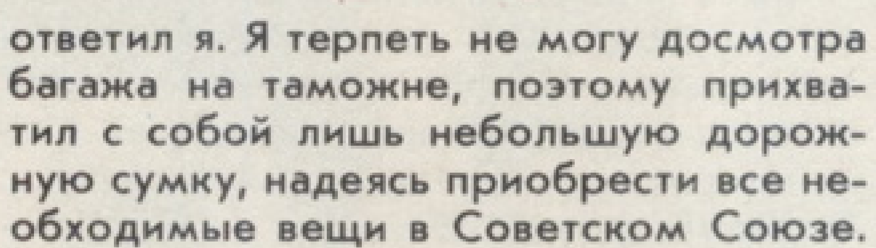
Р. ГЕЙЛ: Я ЗДЕСЬ НЕ ПРОСТО ВРАЧ

Роберт Гейл, сорока лет, в операционной Калифорнийского университета носит деревянные сабо, его широкие галстуки пестрят овечками и китами. Молва создала ему репутацию волшебника, среди же коллег-хирургов он пользуется заслуженным авторитетом, играет ведущую роль в деятельности международной сети центров трансплантации костного мозга. Правда, в прошлом году Национальный институт здравоохранения США упрекал его за проведение нескольких операций по трансплантации без согласования с руководством госпиталя. Гейл ответил на обвинение так: «По мнению НИЗ, я занимался экспериментами, которые следовало бы проводить под наблюдением специального комитета. Но меня прежде всего заботило здоровье каждого пациента». В Советском Союзе Гейл и его русские коллеги использовали общепринятый ныне метод Гейла — вживление пациентам здорового костного мозга для восстановления системы воспроизводства красных кровяных шариков. Вот рассказ Гейла, записанный с его слов американскими журналистами Дэвидом ФРЕНДОМ и Мари-Клод РЕН.

29 апреля, спустя три дня после катастрофы в СССР, я, слушая радио, брился в ванной моего дома в Бель-Эйр. Передавали сообщение об аварии на Чернобыльской АЭС в СССР. К середине дня выяснилось: в Чернобыле есть человеческие жертвы. И тут меня осенило: им нужна и наша помощь. Но как передать мое предложение русским? Я позвонил доктору Арманду Хаммеру, знакомому мне в качестве председателя президентской комиссии по борьбе с раковыми заболеваниями. Я знал и о том, что у него тесные связи с русскими. «Доктор Хаммер,— сказал я,— я мог бы помочь русским в операциях по трансплантации костного мозга».

В 7.30 вечера мне позвонил исполняющий обязанности посла СССР в США Олег Соколов. «Как скоро вы сможете прилететь в Москву?» — спросил он. «Я вылечу рейсом 3.30 «Люфтганзы», прибуду в 6.10 в пятницу»,—

ответил я. Я терпеть не могу досмотра багажа на таможне, поэтому прихватил с собой лишь небольшую дорожную сумку, надеясь приобрести все необходимые вещи в Советском Союзе.

Через день после прибытия в Москву я встретился с главным советским специалистом-гематологом Александром Барановым и его коллегами. Советские люди организовали все отменно. Они уже госпитализировали пострадавших в киевских больницах, а самых тяжелых, наиболее пораженных радиацией, доставили на самолете в Москву. Московская больница № 6 уже была подготовлена к приему этих пациентов. Перед посещением больных мы надели голубую спецодежду, на лица марлевые маски и бахилы на обувь. Затем прошли в прихожую перед стерильным блоком — специальными палатами с пластиковыми стенами, которые здесь называют «островами жизни». Тут лежало трое пациентов, которые дышали стерилизованным воздухом. Прежде чем войти к ним, на нас надели дополнительные стерильные халаты.

Меня представили первому пациенту. Он, как мне показалось, обрадовался нашему знакомству. Этот человек, пожарный, имел дело с радиоактивной водой. Самые сильные ожоги поразили руки, которые теперь были сплошь покрыты бинтами. На груди и ногах полосами слезала кожа как от солнечных ожогов.

В течение первых нескольких дней я осмотрел восемьдесят таких пациентов — пожарные, санитары, служащие станции. Некоторым из них пришлось действовать среди горящих синтетических материалов, они вдыхали радиоактивные частицы, и дыхательные пути их были обожжены. Среди тех, кого поразила радиация, оказался и врач, прибывший в Чернобыль в составе команды спасателей. Очень тяжелый

На снимках: доктор Гейл в Москве на Красной площади; с семьей в Калифорнии.

случай. Этот человек вел себя героически, получил огромную дозу радиации и теперь был слишком слаб для трансплантации. Он скончался через две недели.

Я осознавал исторический момент. Врачи часто обсуждают предполагаемые последствия, которые может вызвать взрыв ядерной бомбы или, например, облучение экипажа ядерной подводной лодки, а здесь я лицом к лицу столкнулся с реальными людьми, которые получили облучение в результате случайной аварии. Я был подавлен увиденным.

Дни шли за днями. Я наблюдал у пациентов все симптомы лучевой болезни.

Родственники больного играют здесь, в СССР, более активную роль, чем в наших больницах. Они приносят домашнюю еду, и это напоминание о доме скрашивает пациенту пребывание в больнице. Жена одного из больных была медицинской сестрой. Ей пришлось особенно тяжело: она понимала, что происходит с ее мужем,— он умирал. Я помню, как она сидела в коридоре больницы и плакала, доктор Баранов успокаивал ее. Какие стойкие, мужественные люди, думал я.

Я постоянно думал о русском враче и писателе Антоне Чехове. Однажды он сказал, что у него есть жена и любовница — медицина и литература — и что ни одна из них не страдала от его неверности. Я вдруг понял, что и я здесь не просто врач. Моя помощь русским имеет и политический аспект: ведь я представитель Запада.

Тяжелее всего мне приходилось не за операционным столом, а во время совещаний с моими коллегами: вместе с советскими врачами мы должны были решить, кого следует оперировать, а кого спасти уже невозможно. Это напоминало ситуацию на поле битвы. Если степень ожогов приближалась к смертельной, мы не делали трансплантации. Но мы делали все, что было в наших силах, чтобы спасти тех, кто мог быть спасен. Счет шел на минуты.

Операции требовалось провести в первую неделю после моего прибытия, в крайнем случае — в течение следующей недели. Ждать мы не могли: со временем повышался риск смертельного исхода в результате какой-либо инфекции или потери крови.

При пересадке костного мозга лучшими донорами являются ближайшие родственники оперируемого, так что еще до того, как я приехал, советские люди разыскали всех родственников, каких только возможно. Они известили родных по всей стране — от Владивостока до Ташкента и доставили их самолетами в Москву. Были проведены тесты на совместимость, после чего родственникам рассказали об операции. Ведь для пациентов и сама операция — с момента хирургического вмешательства до того, как костный мозг начнет справляться со своими функциями,— была чрезвычайно опасной и рискованной. Тем не менее пострадавшие от лучевой болезни находились в столь тяжелом состоянии, что проблемы, могущие возникнуть при операции или после нее, отступали на второй план.

Мы оперировали следующим образом: два советских хирурга со своими хирургическими сестрами по одну сторону операционного стола, я и мой коллега Дик Чэмплин со своими двумя хирургическими сестрами — по другую. Это было очень удобно, так как устранялся языковой барьер.

Каждый день перед выходом из больницы я проверял руки и ноги на радиацию счетчиком Гейгера — нельзя было допустить вынос радиоактивных частиц за пределы госпиталя. Приходилось думать и о том, чтобы радиация не распространилась и от пациентов: их моча и кровь, например, были радиоактивны. Когда берешь такую кровь на анализ и приносишь ее в лабораторию, лаборатория тоже становится радиоактивной. И эту проблему тоже надлежало решить.

Были и другие проблемы, чуть ли не эпического характера. По приезде я тут же по телефону организовал доставку медицинского оборудования со всего света стоимостью восемьсот тысяч долларов. Но оборудование затерялось. В результате мы с моим коллегой поехали в аэропорт Шереметьево и, вооружившись ломами, вскрывали все контейнеры подряд — пока не нашли то, что предназначалось нам.

Мы говорили: «Нет ничего невозможного». Однажды нам понадобилось переделать систему подключения центрифуги в электрическую сеть. Пригласили электриков, те полчаса разглядывали штепсель, качали головами: «Невозможно». Мы сказали: «Но нам так надо». И они переделали проводку во всей комнате.

Я считал, что мне необходимо увидеть Чернобыль, это стало прямо-таки навязчивой идеей. Наконец мне разрешили пролететь над Чернобылем в вертолете вместе с руководителем украинской комиссии спасательных работ. Я сидел рядом с пилотом, так что поле обзора составляло 180 градусов. Мы надели респираторы, чтобы предотвратить опасность вдыхания радиоактивных частиц. Внизу расстилались великолепные леса. Было около 10 утра, жарко. Потом я увидел на берегу реки огромную атомную станцию. К небу тянулись струи дыма, и пять вертолетов кружили над зданиями, сбрасывая мешки со свинцом и песком на реактор. Мы облетали станцию на высоте ста метров. Сорванная крыша, реактор в глубине, пятиэтажные здания, развалины оставили у меня мрачное впечатление.

Но больше всего поражало, что кругом было совершенно пустынно. Огромный индустриальный комплекс — и ни одного человека. Потом я увидел город Припять. Сорок тысяч его жителей были эвакуированы после аварии, и двадцать или тридцать современных высоких белых и коричневых домов стояли совершенно пустые.

Вот оно. Вот как это может выглядеть. Вот на что способен атом — для человека, против человека. И я подумал: страшный урок. Я испытывал благоговейный ужас и думал: эту картину надо запомнить навсегда. Магазины, школы, стадион — пустыня. И я чувствовал, что должен донести эту мысль миру. Еще я подумал о том, что сказал Генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву в разговоре с ним перед самым отъездом из Москвы: если сравнить ограниченный характер аварии с теми огромными усилиями, затраченными медициной на борьбу с ее последствиями, тогда становится понятно, что мы не сможем эффективно справиться с последствиями ядерной катастрофы бóльшего масштаба.

Последний вечер в гостиничном номере. Я был один, упаковывал вещи. Работал телевизор, и я поглядывал краем глаза на экран. Началась передача, посвященная тем двадцати, которые погибли в борьбе с аварией на Чернобыльской АЭС. Она длилась целый час. Показали панораму Чернобыля и портреты каждого из погибших. Называли имя, показывали фотографии: вот он в школе, вот он в пожарной форме. Я знал этих людей. Я знал их всех, но лишь как пациентов. Когда видишь пациента, очень просто забыть, что он был кем-то до того, как попал на больничную койку. Теперь я смотрел на них и видел по-настоящему, я понимал — они герои. Я почти что плакал, видя наше бессилие,— один портрет за другим.

Перевел с английского
С. ЕВГЕНЬЕВ

НЕОДИНОЧЕСТВО

Нина ЧУГУНОВА, наш спецкор.

В книге американского психолога Дж. Линча «Раненое сердце. Медицинские последствия одиночества» приводятся данные губительного влияния этого состояния на человеческий организм. От одиночества умирают, уверяет врач.

Самый первый вывод: от одиночества надо бежать! Бежать в любое «неодиночество». Спасаться.

Но вот другое суждение, прямо противоположное и по мысли, и по настроению: мы одиноки, ибо мы — люди. Это утверждает советский исследователь Александр Кучинкас.

Одиноки, ибо люди.

Подумаем над этим.

Очевидно, что в первом случае речь шла о болезненном состоянии, иссушающем душу, а во втором — о достоинстве души. О человеке, осознающем свое нескорбное одиночество как нечто исключительно ему, человеку, свойственное, как нечто подлинное, как силу, требующую движения к другим людям...

И — диалога с ними!

Я вижу, что человек «во втором варианте» отнюдь не болен одиночеством, хотя и его, конечно, временами охватывает чувство пустоты и тревоги, желание видеть рядом хоть кого-то — все равно кого, желание поговорить хотя бы ни о чем, отводя душу. Но проходит минутная слабость, и в себе самом обретает он силы, готовый принять на свои лишь плечи груз своих чувств. Слово «честный» применительно к такому человеку приходит мне на ум. Во всяком случае этот человек не будет обманывать самого себя, и, нуждаясь в других, он первым делом вступит в диалог с самим собой и отвергнет «отвлекающую терапию».

Ведь ясно, что если одиночество наступило, то ни концертный зал, ни многолюдная улица, ни двадцать человек нагрянувших гостей от него не спасут. Будет иллюзия, видимость заполненного времени, видимость разговора с друзьями, видимость неодиночества. А на самом деле: время убито без пользы, разговор не получился, потому что не был сам по себе важен, и неодиночество было фикцией.

Бежать от тоски в концертный зал — шаг, недостойный музыки. Музыки настоящей, конечно, которая помогает человеку открывать себя, а не прятаться за нее.

Еще одна мысль. А ведь и счастье — не спасение от одиночества. Точно так же, как и одиночество не обязательно печально. И в счастье каждый из нас — мир все равно одинокий, потому что неповторимый и именно поэтому нуждающийся в иных мирах и непрестанно движущийся к ним и лишь этому движению обязанный своей жизнью.

Ибо мы люди. В одиночестве, в толпе ли...

В Таллине недавно прошел международный семинар по вопросам организации молодежного досуга средствами культурно-просветительной работы. Его участники — специалисты в названной области — согласились в свободное от

научных заседаний время более свободно порассуждать о свободном времени молодежи. И даже не столько о молодежном досуге, сколько о том, в какой степени эта проблема — организация молодежного досуга — связана со многими сторонами нашей жизни и наших отношений. «Ровесник» интересовало, в какой степени, например, следует руководить молодежью тогда, когда она «предоставлена сама себе». При этом мы исходили из того, что, по мысли Маркса, свободное время, его объем и качество есть главнейший показатель уровня развития общества.

...Вера Надь, Тибор Галаш, Бела Бокор из Венгрии и Роланд Йенш из ГДР — люди, умудренные жизненным и профессиональным опытом. Стремясь к свободному высказыванию мнений, я просила их и опираться прежде всего на личный опыт. Пусть даже их мнение может показаться спорным. Предоставляя право комментария читателю, «Ровесник» ограничивается участием в разговоре на правах одного из собеседников.

Начало разговору было положено вопросом: не находится ли в опасности общество, думающее, чем бы развлечь молодежь?

Вера НАДЬ: Я думаю, что развлекать молодежь никогда не надо. И если уж говорить в целом об обществе, то его обязанность не развлекать и не «отвлекать» и даже не «занимать чем-нибудь» молодежь, а предоставить ей условия для развития.

Корреспондент «Ровесника»: Да, развлечения, развитая «индустрия развлечений» — это способ не только подзаработать на молодежи, опустошить ее карманы, но и отвлечь молодежь от ее собственных трудностей и сомнений и в конечном счете не дать ей развиться. Это мы знаем! Но согласитесь, что общество, которое, не боясь молодежи, либо не интересуется ее свободным временем вовсе, либо занимается этой проблемой, пренебрегая реальностями жизни, интересами, овладевшими молодежью...

Вера НАДЬ: ...О, такое общество «бесстрашно» закрывает глаза на собственное будущее! Мы не только должны знать, чем занята наша молодежь, мы обязаны знать, что она предпочитает, мы обязаны думать, почему ей предпочтительнее одно и почему она охладевает вдруг к другому, и что за всем этим стоит. Какие тонкие социальные, психологические и другие движения!

Корреспондент: Общество берет на себя обязанности по отношению к молодежи, потому что молодежь неопытна, беспомощна?

Вера НАДЬ: Нет, потому что общество осознает свою зависимость от молодежи, в конечном счете определяющей будущее.

Корреспондент: Молодежи еще только предстоит осознать свою зависимость от общества? С чего же следует начинать обществу?

Роланд ЙЕНШ: В пятнадцать лет человеку остро необходимо видеться, встречаться, иметь «свою территорию». На первый взгляд кажется, что на эту «свою территорию» молодежь нас ни за что не пустит. На самом деле только в это время есть шанс наладить с нею отношения. Молодые готовы часами стоять в подъезде. Им нужны порой четыре стены, чтобы возник клуб. Но эти четыре стены надо предоставить им.

Корреспондент: То есть построить. Как?

Роланд Йенш: Привести их хотя бы в пустую комнату, которую им добровольно отдает бургомистр. Дать ключи, что ли. Мне тридцать один, и я еще отлично помню себя в пятнадцать.

Корреспондент: И я себя тоже. Я помню, что у нас был отличный чердак, но однажды туда забралась комиссия во главе с завучем. А мы его покинули, никто не вернулся. Была ли польза от такого вмешательства?

Роланд Йенш: Я говорил только о шансе сблизиться, которым надо суметь воспользоваться. Надо это делать умно. Надо уважать молодых, их право на тайну.

Корреспондент: У вас, в ГДР, есть такой опыт?

Роланд Йенш: У каждого нашего молодежного клуба есть штатный руководитель, есть и несколько внештатных сотрудников, часто из шефствующих организаций. Но вся программа деятельности клуба составляется и реализуется самими ребятами. Они решают, что лучше организовать в клубе на этой неделе. Только тогда политический диспут будет обязательно диспутом, а не запланированной, расписанной по минутам фальшивой «дискуссией». Они будут говорить о том, что их интересует.

Корреспондент: Стоп, подождите, Это очень хорошая организация взаимоотношений...

Роланд ЙЕНШ: ...А в тех случаях, когда бургомистр позволяет себе — это же так удобно! — строить жизнь в молодежном клубе по собственным представлениям о жизни в молодежном клубе, такой бургомистр рискует подвергнуться критике на конференции по проблемам молодежных клубов, которые проводятся в республике регулярно.

Корреспондент: Повторяю: все отлично, но при условии, что молодежь вполне состоятельна и в нравственном и в социальном плане!

Вера НАДЬ: В жизни, несомненно, происходит что-то. Лично я ощущаю это как убыстрение жизни, когда перестало хватать времени на вещи, которые по природе своей всегда требовали много времени, долгого времени...

Корреспондент: ...и свободного от прочих дел времени!

Вера НАДЬ: Конечно. Сейчас мы уже не способны выслушивать друг друга сложа руки. Нам надо заниматься еще чем-то. Чем-то, как нам кажется, более полезным. Собственно, другой человек уже перестал время от времени становиться нашим единственным и главным занятием.

Корреспондент: У кого-то из великих написано: «Нет ли сейчас перед вами какого-то занятия, от которого я бы отвлек вас?» — «Нет, сейчас вы — мое основное занятие...» Да, вы правы, что же еще толкает нас к развитию, как не диалог, не потребность поделиться, выслушать, понять.

Вера НАДЬ: Раньше люди жили близко друг к другу. Они знали друг о друге все. Они никогда не были одиноки, потому что они работали вместе и много. Я вспоминаю свое детство. Пусть у нас были не такие уж и высокоинтеллектуальные развлечения — они были чисты, полны надежд, планов, устремлений и движения!..

Корреспондент: А сейчас у молодежи высокоинтеллектуальные развлечения?

Тибор ГАЛАШ: О, тут скажу я! Моему сыну исполнилось двадцать. Я спросил его о подарке. «Деньги». — «Что?» Я даже переспросил. Не то чтобы я не знал собственного сына. Но я надеялся на какой-то иной ответ. Ему же нужны были деньги. Я дал ему пять тысяч форинтов. «Это все?» Он не наглец. И его развлечения высокоинтеллектуальны. Очевидно, это высокоденежные развлечения. Я пожимаю плечами и вспоминаю, как мы учились в университете... Ты помнишь, Вера, как мы учились в университете?

Корреспондент: В чем вы обвиняете молодежь?

Вера НАДЬ: Нет, не молодежь! Хотя... Молодой человек сегодня стремится не особенно «потратиться» в общении с другими в смысле души и сердца. Мы были другими. Это банально. Но это правда.

Корреспондент: Вы все же обвиняете молодежь в том, что она привнесла в жизнь и в особенности в отношения более легкий, менее обязывающий, так называемый «спортивный» стиль?

Вера НАДЬ: Повторяю, нет обвинений. Но мы должны помочь молодому человеку понять, что можно пользоваться жизнью вопреки тому тону, который ощущается на ее поверхности.

Корреспондент: Именно в свободное время. Почему?

Вера НАДЬ: Нет, мы просто здесь собрались по поводу свободного времени, а говорим-то мы о более широких вещах. Нет, пользоваться жизнью, учиться этому искусству надо не только на досуге. Нет.

Корреспондент: А вы уверены, что это нужно молодым? В конце концов, они только и твердят, что они — другие. Кто уполномочивал взрослых, ученых, специалистов вообще организовываться для такой благотворительной борьбы, а?

Вера НАДЬ: Кто нас звал, да?

Корреспондент: ... Свобода их первое желание.

Бела БОКОР: Надо говорить не о молодежи, а об обществе, которое «дарит» молодежи свои нерешенные проблемы.

Мы произносим слово «вещизм» и предлагаем пропагандистские способы искоренения этого явления.

Корреспондент: Не получается — готовы считать, что этого и вовсе в жизни нет!

Бела БОКОР: Так! Между тем, осмелюсь сказать, за «вещизмом» — стремление к современному, достойному человека «фирменному» образу жизни, внешнему облику, времяпрепровождению. Попыталось ли общество привнести в «вещизм» элементы, достойные работящего, умного, честного человека? Да, бытующий «вещизм» — это убогая реакция на виденное где-то, да, это имитация и подделка. Но это — пусть хоть какая-то, но реализация мечты о красивой жизни. А неумелым и не особенно умным никто не помог. Могли — запретить, могли — ругать. В то же время взрослые сами были проводниками махрового «вещизма» — ведь у них, скажем, на это есть свои деньги.

Тибор ГАЛАШ: Деньги — это часть проблемы.

Бела БОКОР: Речь сегодня не идет о том, что молодежь не хочет, а должна бы подражать взрослым, речь идет скорее о том, что взрослая жизнь порой может быть плохим воспитателем! Сегодня молодежь может видеть плохие примеры сплошь и рядом.

Вера НАДЬ: Да, в жизни, несомненно, есть много плохого!

Корреспондент: Расскажите, что тревожащее вас происходит в обществе и как это влияет, в частности, на развлечения вашей молодежи. Либо на ее отношение к отдыху, скажем так.

Бела БОКОР: Минутку, я закончу. В 60-е годы билет в театр у нас стоил какие-то филеры. Я не собираюсь утверждать, что поколения театралов вырастают на дешевых билетах, но тогда студенты на «летучих», на «громовых» галерках толпились! Ведь для того, чтобы зародилась привычка к чему-то хорошему, это хорошее прежде всего должно быть элементарно доступно.

Корреспондент: Так ли?..

Бела БОКОР: Ах, надо, чтобы недоступно? Отнюдь! Психология человека такова, что недоступностью притягивает именно сомнительное.

Корреспондент: ...Потому что «сомнительное» делают недоступным?

Бела БОКОР: Это другая сторона проблемы, как именно делается притягательным негативное. Но позитивное: театр, книга — должно быть хотя бы в принципе досягаемым.

Тибор ГАЛАШ: Все начинается с труда! Все начинается с привычки к тяжелой работе. Отдых — вторичное, отдых — следствие.

Бела БОКОР: Постичь цену отдыха может лишь человек, знающий наслаждение труда, не обязательно на службе: наслаждение постижением культуры, тягу к ней, тягу к творчеству, муки его... Иными словами, тот, кто способен ценить усилие в постижении, понимать его неизбежность, его уникальность как единственного средства развития и продвижения. Наша обязанность помочь сформироваться такому человеку, ведь мы — часть мира, где живут молодые.

Тибор ГАЛАШ: После войны у нас дважды проводились социологические исследования десятилетних на тот счет, кого они видят своим примером в жизни. В пятидесятые годы примером были Петефи, Кошут и Эндре Шагварш, возглавивший коммунистическое движение в период между двумя мировыми войнами и казненный хортистами. Двадцать лет спустя кумиры: «несказанно богатый» футболист, заключивший контракт с иностранным клубом, эстрадная звезда. На третьем месте, правда, врач, но о нем слишком много писали газеты, его имя было у всех на слуху...

Корреспондент: И, предполагаю, он и те первые два кумира, предстали перед публикой не измученные трудом, хотя труд был, и наверняка тяжелый, но предстали они не в труде, а в блеске славы!

Бела БОКОР: Да, общество должно уметь на деле доказывать прямую зависимость отличной работы и яркого, украшающего жизнь отдыха, который тоже ради развития — будь то музыка, спорт, коллекционирование или туризм. Причем, их взаимную зависимость. Тогда мы решим часть наших проблем, не споря с молодежью.

Корреспондент: Как доказывать? Роланд Йенш сказал, что достаточно найти пустую, свободную комнату, и она сама по себе превратится в клуб, настолько сильна тяга молодых друг к другу. Вы говорите о деятельности, о работе как гаранте содержательного свободного времени, того времени, когда наиболее остры наши чувства — одиночество и неодиночество. Какие предложения может получить молодежь со стороны общества на время своего досуга?

Вера НАДЬ: У нас есть акция под названием «Родная земля». Нечто подобное, вижу, расцвело в Таллине, когда под знаменами акции «Родной город» ребята много делают самой черной работы на благо города, что не мешает ни дискотекам, ни простому гулянью по улицам.

Корреспондент: И все же. Что вас беспокоит в молодежи?

Роланд ЙЕНШ: Их чувства.

Корреспондент: Чувства? Вы говорите это с тревогой!

Роланд ЙЕНШ: Они хорошо учатся, они хорошо проводят политические диспуты. Они самостоятельны. Им «можно вполне доверять»...

Корреспондент: Значит, можно быть за них спокойными?

Роланд ЙЕНШ: ...Но когда, когда была допущена ошибка?!

Корреспондент: Ошибка?

Роланд ЙЕНШ: Я хотел сказать: бедность их чувств. Рано или поздно мы всем обществом должны были ощутить это как тревожный симптом и задуматься о причинах. Когда-то у занятых взрослых не хватило времени на кропотливый и «старинный» труд, который называется «дети», труд, требующий, кроме силы и знаний, еще и слез, беспомощности, тревоги. Но взрослые, торопясь, внедряли в характеры своих детей изумительные сами по себе качества: деловитость, дисциплинированность, ясность, готовность к работе, четкость целей. Это качества, делающие маленького человека очень удобным в мире взрослых. Но такие дети растут, не зная, что, например, одиночество необходимо для роста души, как витамин!..

Корреспондент: Наступает ужасное «никогда-неодиночество»... Многое важное, подлинное становится недоступным по той причине, что в нем душа не нуждается.

Роланд ЙЕНШ: Надо нам больше думать о последствиях каждого нашего шага. Мы, общество, слишком много и неизбежно много занимались строительством нашего хозяйства, и вот почему нам крайне необходимы были люди, фанатично преданные делу, принадлежащие делу, с позиций дела решающие и личные и общенравственные проблемы. Их вызывала, воспитывала, возносила сама жизнь. А воспевала литература, пропаганда. Нам было нужно все больше и больше таких героев долга...

Корреспондент: Да, казалось, что таких героев всегда нам не будет хватать, как вдруг стал ощутим дефицит сомнения и даже робости в душе героя в моменты важнейших и роковых решений... Вы понимаете меня?

Роланд ЙЕНШ: Пятнадцать лет назад в ГДР принята программа, соединяющая социальные и экономические стороны нашего развития. Пятнадцать лет — малый срок, чтобы мы могли заметить перемены в сознании молодых.

Корреспондент: Наши проблемы, как и наши надежды на успех коренятся в том, что человек не может быть машиной. Как машина, он отработался бы мгновенно. Сомнение, размышление, тревога, боль — это спутники самых убежденных, потому что они — люди. Люди, и — одиноки. И каждый проходит свой путь от одиночества к неодиночеству, минуя вульгарное «никогда-неодиночество», отвергая его как путь механического следования по проторенной дороге. Что делает человека тем «вечным двигателем», который тщетно пытались сконструировать механики предыдущих столетий?

Тибор ГАЛАШ: Пауза. Момент тишины. Вдох-выдох-вдох.

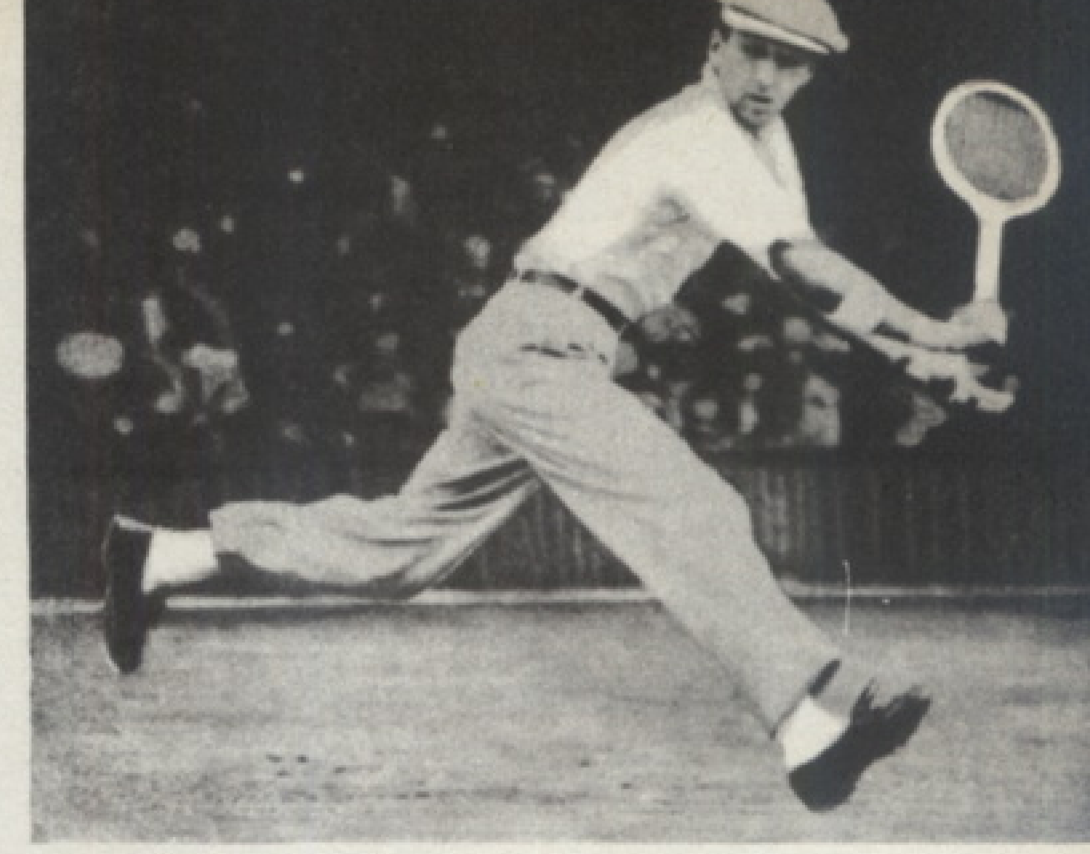
Корреспондент: Одиночество. Да! В самом шумном развлечении есть возможность одиночества самого благотворного, потому что именно сейчас человек «предоставлен самому себе», он — самостоятельно решает, что ему делать, как набираться новых сил, чем дышать его легким и душе... Он смотрит в себя. Он видит себя со стороны в отражении других лиц. Он медлит, оценивая. Он пробует сосредоточиться, заглянуть в себя... Как подойти к нему в этот момент? Как не нарушить благословенного одиночества, тишины?

— Теннис по-прежнему тот же, что и тогда, когда за шестьдесят лет до Яника Ноа вы выиграли чемпионат Соединенных Штатов?

— Да и нет. Спортивная подготовка игроков, их физическая сила, рост, важное качество, кстати, на теннисе отразились сильно. Усовершенствование экипировки теннисиста тоже: теперь, к примеру, играют не такими быстрыми мячами, как раньше, более «волосатыми», поэтому и удар должен стать сильнее. Но сама игра не изменилась. Когда появился Борг, играющий у лицевой линии корта и отбивающий мячи почти вертикально вверх, я уже было подумал, что это новый теннис. Но за ним пришел Макэнрой, который, принимая мяч очень рано, замечательно играя с лета, сумел обыграть «теннис Борга». Затем на корты вышел Лендл, который не очень хорошо играл у сетки, но своим тяжелым и очень сильным ударом смог сломать Макэнроя. Это разнообразие манер игры было и остается в теннисе самым интересным. Замечательно то, что любой матч выигрывается благодаря целому «коктейлю» — и всегда различному по своему составу — качеств: физическая сила, ловкость, скорость, настойчивость, рациональность, воображение! Удивительно, почему раньше теннис не был тем, чем, по общему признанию, стал сегодня: зрелищем.

— Зрелищем, но еще и индустрией, бизнесом, сталкивающим в игре солидные финансовые интересы. А такая эволюция, как вам, по вкусу?

— Сегодня теннис на все сто процентов профессиональный спорт, и я об этом сожалею. Я всегда говорил, и когда еще играл сам, что теннису нужна организация, где есть любительские чемпионаты, профессиональные и открытые турниры. С другой стороны, не понимаю, почему чемпион-теннисист, для которого теннис уже не развлечение, а искусство, не должен получать вознаграждение, как любой другой артист, как талантливый пианист, виолончелист, танцовщик. Возьмите, например, Коше, который в свое время был лучшим теннисистом мира. Жаль, мне кажется, что он не имел возможности получать вознаграждения, побеждая в крупнейших соревнованиях.

Играет один из «мушкетеров» Рене Лакост.

Шестьдесят лет назад в мировом теннисе тон задавали те, кого до сих пор называют «мушкетерами»: французы Жан Боротра, Жак Брюньон, Анри Коше и Рене Лакост. Д' Артаньяну — Лакосту, самому молодому из них, уже за восемьдесят, и у него есть все основания смотреть на один из самых популярных сегодня видов спорта объективно. С небольшими сокращениями мы перепечатываем его интервью французскому еженедельнику «Экспресс».

ТЕННИС: ВРЕМЯ, ХАРАКТЕРЫ, ЛЮДИ

— Понятие любительского статуса было тогда, мягко говоря, странным: Тильдена однажды не допустили к соревнованиям за то, что он написал статью о теннисе и получил гонорар.

— Да, это кажется невероятным! Сегодня, что очевидно, у нас перекос в другую сторону. Не столько количество нулей в доходах теннисистов меня поражает, сколько то, что происходит вокруг тенниса. Это все-таки не выставочный зал для фирм... Наклеек и нашивок на форме игроков, за которые компании, не имеющие никакого отношения к теннису, платят астрономические суммы, столько, что самого игрока и не видно. Помимо этого, между организаторами турниров и игроками появилась толстая прослойка посредников—менеджеров. Может быть, такая когорта и нужна для того, чтобы защищать интересы чемпионов и пристраивать к делу бывших звезд, но от всего этого в теннисном мире развелось много недружелюбия и интриг. Наверное, суммы, поставленные на игру, меняют взгляды на жизнь. Впрочем, антипатии между игроками существовали и раньше и по самым разным причинам. А дружба, может быть, не такая, как между «мушкетерами», я в этом по-старчески уверен, будет существовать всегда. Еще не так давно Коше меня благодарил за то, что я помог ему поставить закрытый удар. На «Ролан-Гарро», на Уимблдоне и в Форест Хиллз мы были соперниками, но оба придавали, к примеру, такое значение Кубку Дэвиса, что старались, как могли, помочь друг другу, рискуя в следующем матче проиграть тому, кому помогали!

— А Тильден, который ненавидел проигрывать, считал вас всех своими противниками!

— Конечно, какой же чемпион любит проигрывать. Но есть такие, которые не показывают вида. Это помогало Тильдену быть приятным и галантным соперником.

— Галантность теперь не частая гостья на кортах.

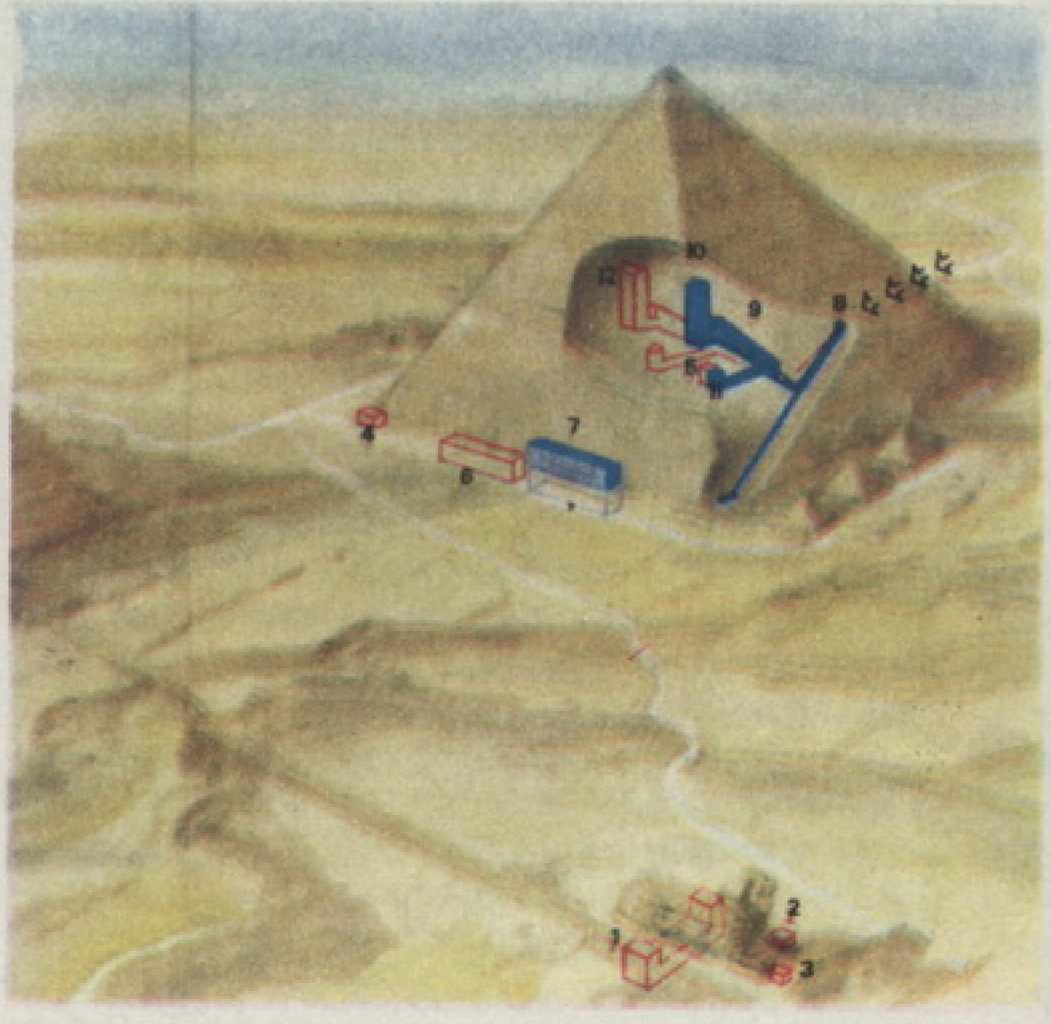
— Да. Я с сожалением смотрю на выходки, например, Коннорса и Макэнроя. Иногда это получается из-за характера игрока, но многое — увы! — провоцируется публикой, американской в особенности... Кстати, трудно представить, кажется невероятным, насколько Коннорс вежлив и обходителен в жизни. У нас время от времени есть повод поговорить с ним: я пытаюсь сконструировать для него новую ракетку. Он оказался в странном положении: может играть только той, которую я сделал для него еще в 1960-м...

— Это была первая в мире ракетка, сделанная не из дерева!

— ...и которой с тех пор играют на всех крупных чемпионатах. Но теперь такие уже не выпускают. Считаются более эффективными, не всегда обоснованно, модели из нескольких материалов и с бо́льшей площадью. Кон-

на стр. 24 ▶

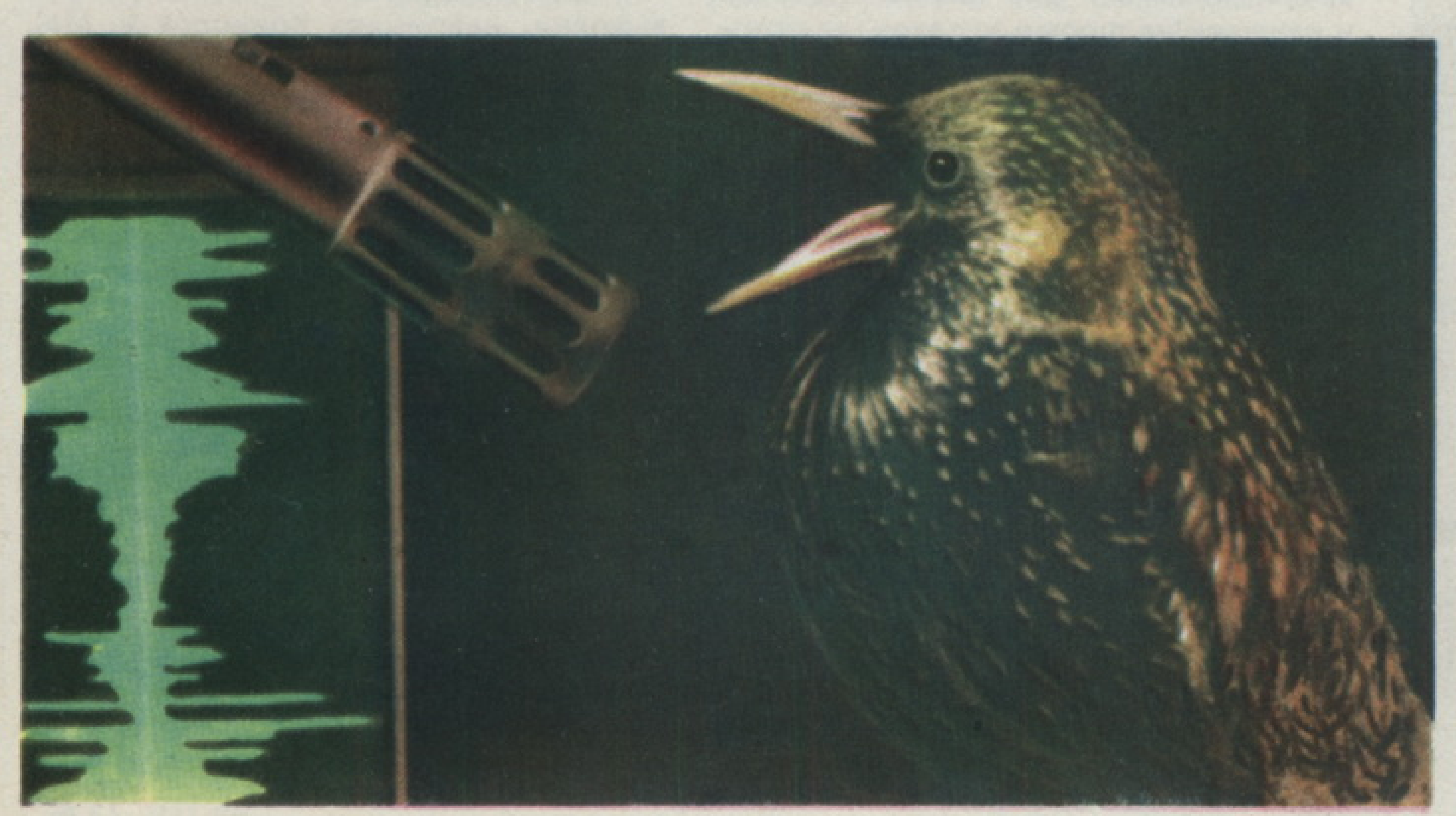
«БУМ! БУМ!» — это мы вновь стучимся в пирамиду Хеопса. Недавно французские архитекторы, изучив план пирамиды, предположили, что в усыпальнице должны быть пока неизвестные нам помещения. «Есть пустоты!» — подтвердили с помощью нового прибора японские ученые. На микрогравиметрической схеме отчетливо видны помещения — в частности, как предполагают, «комната царицы» (на схеме № 5).

«Бум! Бум!» — раскатилось эхо от Египта до Пиренеев. И вот уже знаменитый испанский тенор Пласидо Доминго участвует в колоссальном оперно-пирамидном спектакле: «Аида» Джузеппе Верди представлена в начале мая на натуральных декорациях. Почти три тысячи лет, с самого своего основания, не видел храм Луксор такого зрелища. Под триумфальный марш из оперы по аллее сфинксов продефилировали сотни «древних» египтян и десятки боевых колесниц.

«Бум! Бум!» — отозвалось за океаном в США. И на вершину хит-парадов вырвалась песенка «Хожу как египтянка» в исполнении группы «Бэнглз».

А ЧТО РИСУЮТ! Этим рисунком американский журнал «Тайм» проиллюстрировал сообщение о том, что у сотрудников американских правительственных учреждений большие неприятности. Теперь во всех служебных помещениях правительства запрещено курить. На курильщиков в США идет сейчас настоящая охота: чтобы они не травили окружающих, их «травят» увещеваниями, запретами, общественным мнением; запретительных надписей множество. Одна из них: «Не курить. Здесь работают легкие!»

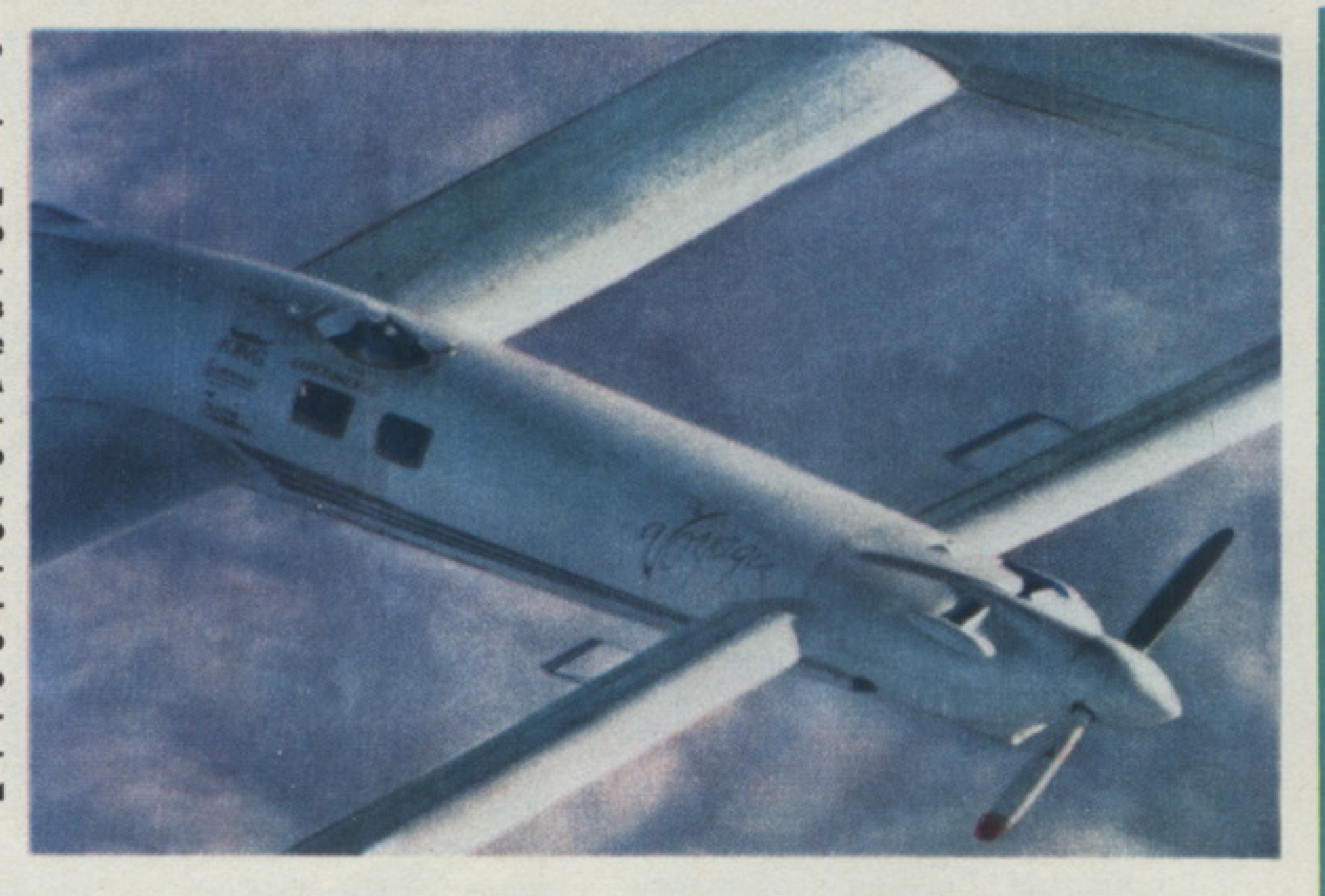
ПОЧИРИКАЕМ ВМЕСТЕ! В Италии идут исследования... птичьего языка. Теперь уже ни у кого не вызывает сомнений, что птичьи песнопения — это послания с четкой информацией и часто с указанием адресата.

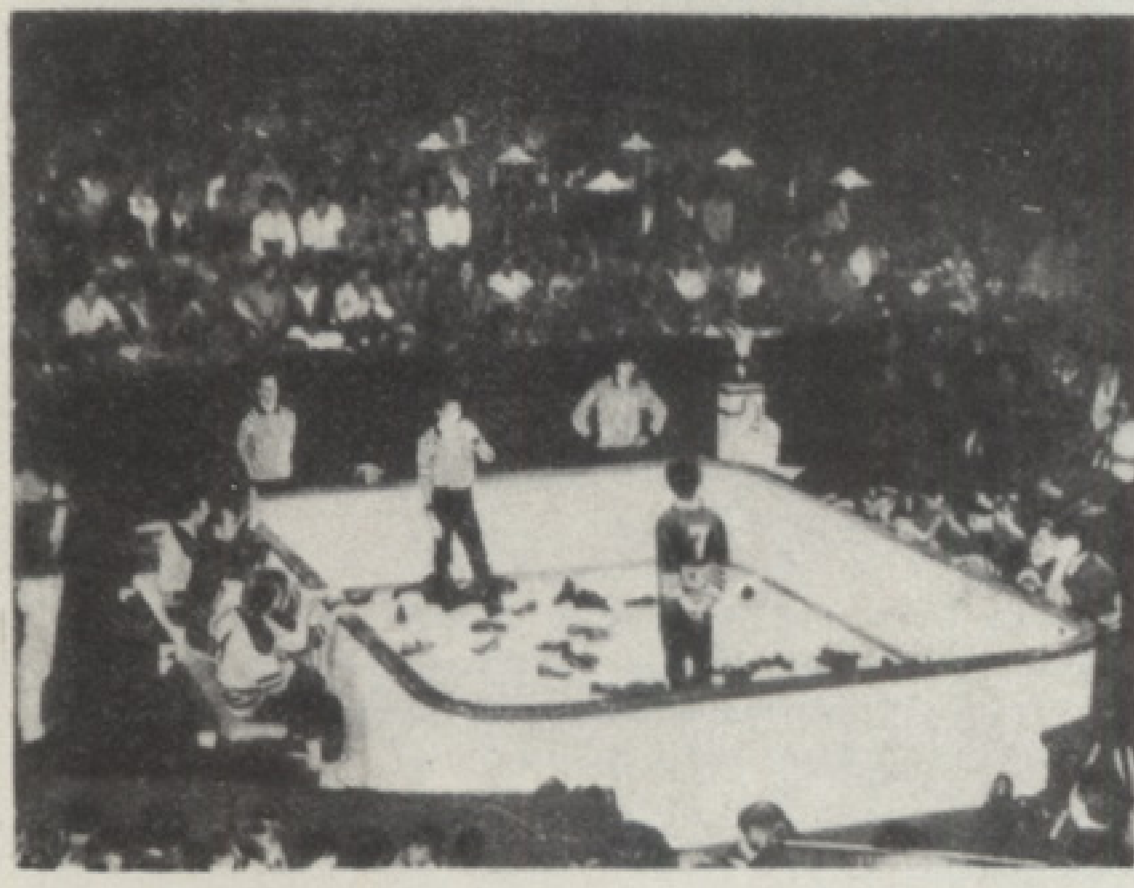
Как только будет создан словарь птичьего языка (пока что требуется четыре минуты машинного времени и сотни миллионов математических операций для идентификации 1 секунды птичьего пения), появится возможность обратной связи. Можно будет, например, привлекать на поля и в сады птиц, которые освободят обрабатываемые земли от вредных насекомых и грызунов. Не прибегая к химии, считают ученые, с помощью птиц мы сохраним экологическое равновесие.

— СКАЖИ, ДИК, ТЫ МОГ БЫ ЛЕТЕТЬ ДЕВЯТЬ ДНЕЙ БЕЗ ОСТАНОВКИ?

— А ТЫ, БЕРТ, МОГ БЫ ПОСТРОИТЬ МНЕ ПОДХОДЯЩИЙ САМОЛЕТ?

Такой диалог между братьями Рутан, пилотом и конструктором, состоялся в 1981 году, и с тех пор семья жила одной мечтой — открыть новые возможности авиации, совершив длительный перелет без посадок и дозаправки. Прошло пять лет, и в декабре 1986 года «Вояджер» отправился в путь. Основным условием была легкость конструкции, ведь все горючее приходилось брать с собой, и аппарат весит всего 400 кг. Для этого подбирался специальный материал, до минимума сократили жизненное пространство пилотов. Не все шло гладко — технические неполадки на взлете, неблагоприятные метеоусловия, усталость от долгой бессонницы, неудобной позы... Но смелые авиаторы — второй пилот, Джина Игер, по признанию Дика, проявила в трудные моменты большое мужество — превозмогли все трудности. Отныне конструктор Берт Рутан и пилоты Дик Рутан и Джина Игер вошли в историю авиации.

КВН ПО-ФРАНЦУЗСКИ? Талантливых хоккеистов любят сравнивать с одаренными актерами. Актеров с хоккеистами до недавнего времени не сравнивали. Почему? Этот вопрос задали себе два молодых канадских актера, глядя, как публика валит мимо их театра на стадион, и создали «импротеатр» — состязания актеров в импровизации.

Команды выходят «на лед» в форменных майках, с номерами на спине. «Полосатый» арбитр производит вбрасывание — вскрывает конверт и зачитывает тему импровизации. Темы подбираются такие, которые могли бы заставить работать воображение зрителей, скажем, «Наша жизнь глазами Сервантеса»...

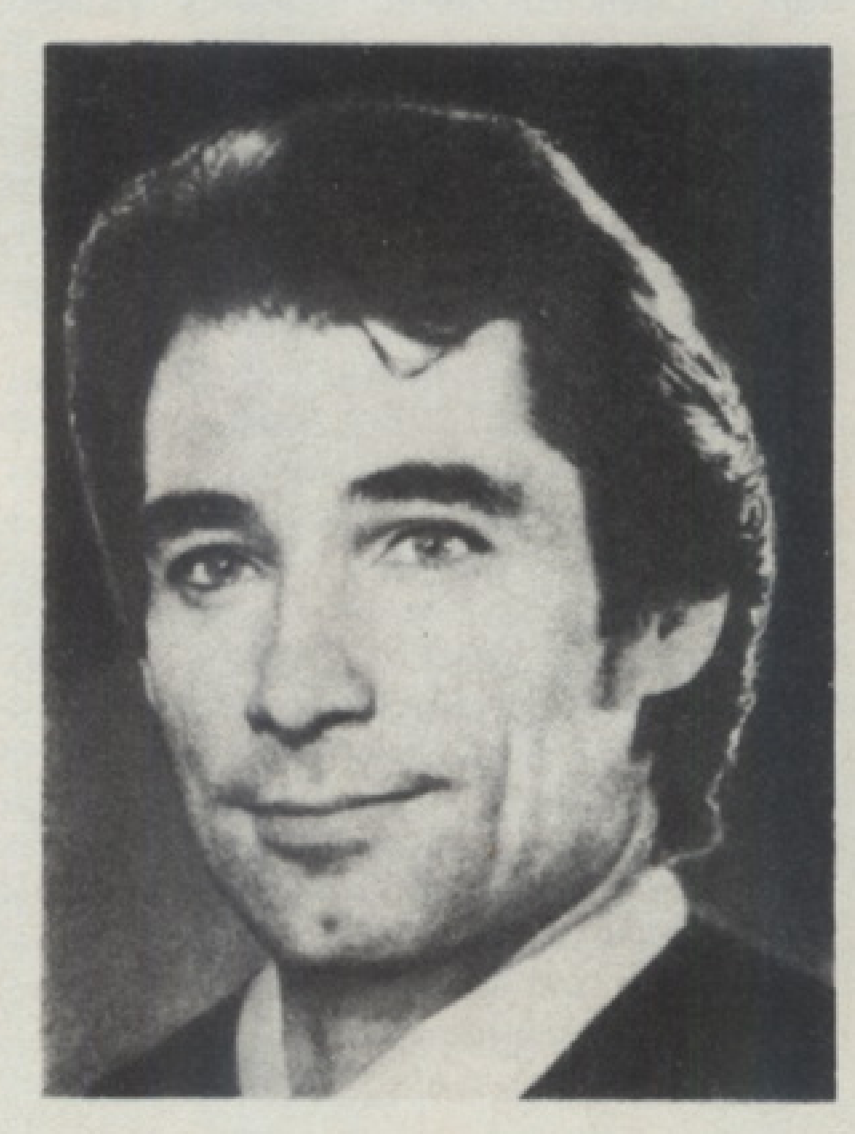
Команды импровизируют одновременно, поэтому актерам приходится подыгрывать другу другу. Матч состоит из двух получасовых периодов. Паузы засчитываются в игровое время. «Грубая» игра наказывается штрафными очками. Публика оценивает каждую импровизацию отдельно, голосуя с помощью разноцветных карточек. Кроме того, зрителям не запрещается «болеть» по-хоккейному — свистеть и топать.

В последние годы «импротеатр» появился во Франции, Бельгии, Швейцарии. Состоялся первый международный турнир.

«ТЕННИС — ЭТО ВСЕГДА СХВАТКА ДВУХ ВОЛКОВ. Они стремятся сожрать друг друга, даже если прикрываются улыбками». Так сказал тренер Бориса Беккера Гюнтер Бош. Но не прошло и двух месяцев после того, как Г. Бош выступил со своим определением сути тенниса, как сам оказался «вне игры». Обвинив тренера в неудаче его питомца на открытом первенстве США — да и зачем, дескать, чемпиону тренер? (см. материал «Теннис: время, характер, люди») — Боша «сожрал» менеджер Ион Тириак. А Беккер? Тренируется и играет.

ЧТО ИГРАЮТ? Мы видели Тимоти Долтона в роли мистера Рочестера в английском телесериале «Джейн Эйр» по роману Шарлотты Бронте. Его обаятельное лицо с ямочкой на подбородке и романтический образ Рочестера, которого полюбила милая умница Джейн, быстро завоевали популярность у наших зрителей, а особенно зрительниц. В Англии Тимоти Долтон известен и как выдающийся исполнитель шекспировских пьес. Именно в шекспировском «Укрощении строптивой» тридцатидевятилетнего Долтона «открыл» для себя кинопродюсер Альберт Р. Брокколи и сделал актеру предложение. Оно мало обещает для актерской индивидуальности Долтона и даже подрывает его престиж, зато много обещает с финансовой стороны: роль очередного «агента-007».

со стр. 21 ▼
норс ими играть не желает и отказывается от огромных сумм, которые ему за это сулят. С мячами, кстати, тоже история...

— Почему их сделали «медленными»?

— Чтобы доставить удовольствие плохим игрокам. Так у них больше времени отбить удар. Раньше мячи были хотя и быстрые, но неодинаковые. В Соединенных Штатах, например, играли более крупными и гладкими, на них наклеивался фетр. Во Франции они были меньше и вязаными. Теперь производство мячей более упорядоченное: одинаковый вес, давление, диаметр, высота отскока при определенной температуре. Единственное, что никак не могут унифицировать, это их аэродинамические свойства. Лично я, сколько ни пытался, решить эту проблему нисколько не успел.

— Кого из игроков вы считаете самыми выдающимися?

— В прошлом: Тильден и среди женщин Сюзанна Ленглен. Надо было бы еще упомянуть Боротра и Коше, но о друзьях говорить трудно. К тому же именно Тильден заставил меня полюбить теннис: в 1919 году я увидел, как он играет. Мне было всего 15, я только начал играть и не подозревал, что когда-нибудь сумею его обыграть. Сюзанна Ленглен тоже сыграла свою роль: я не был на корте ни быстрым, ни сильным. Она заставила меня понять, что, отрабатывая точность и умение контролировать мяч, можно достичь теннисных вершин... Тильден, тот играл в глубине корта и предпочитал сильный удар, почти как Лендл, и посредственно играл у сетки. Я этими недостатками постоянно пользовался.

В свое время меня восхищали Розуолл и Лейвер. Розуолл вообще не бил по мячу: он принимал его сразу же над сеткой. С таким стилем он долгие годы был в числе сильнейших. Лейвер наоборот играл в атлетический теннис, с высокими «свечами».

— Как Борг?

— Да, но агрессивнее и разнообразнее. Я думаю, что знаменитый Бьерн Борг в чем-то нанес теннису ущерб, сведя его к бесконечному обмену мячами «с подъемом». А вот Макэнрой меня здорово забавлял. Он удивительный теннисист-актер. Сегодня есть еще Лендл, но он пока еще слабо играет у сетки. И конечно же, Борис Беккер.

— Беккер вам нравится?

— Это удивительный спортсмен, пылкий и живой. Есть очень мало игроков цельных, совершенных игроков, во всяком случае, нет вообще, у каждого свои слабые стороны. Но Беккер, как Лейвер до него, умеет в теннисе все. Единственный вопрос: его характер. Как он поведет себя? Что получится, если и дальше будет столько срывов? Но такой, какой он есть, он, вероятно, будет сильнейшим в мире.

— Наверное, вам сотни раз задавали этот вопрос: что произойдет, если встретятся на корте лучшие игроки прошлого и нынешние?

— Если взять сотню лучших игроков моей молодости и сотню лучших сегодня, вторые бы выиграли почти у всех...

— Вы, как известно, готовились к матчам с карандашом в руке, тщательно замечая слабые стороны своего соперника.

— Да, в теннисе надо быть методичным. Как вы сейчас! В 1925 году в Соединенных Штатах я за свой счет заказал съемку матчей моих соперников и своих собственных, потом просматривал их в замедленном темпе. Теперь, кстати, значительно большему можно научиться, сидя дома у телевизора, чем на стадионе. Мяч слишком притягивает взгляд, а по телевизору, стоит чуть покрутить настройку, мяч исчезает — видны только движения игроков.

— Тренеров надо отменить?

— Я считаю, что само понятие «тренер» противоречит необходимости для чемпиона обладать сильной индивидуальностью, твердой волей, если одним словом, характером, который заставляет его не принимать с легкостью советы. Это мой случай. Невежливые замечания иного приятеля или зрителя мне иногда помогали. Но советы — никогда. Они скорее подталкивали меня сделать все наоборот. Никогда ни один тренер не заставил бы меня изменить посреди матча обдуманную мной тактику. Я вырабатывал свою тактику иногда месяцами, и она зависела и от игры соперника, и от обстоятельств. Единственный раз я изменил тактику во время игры на чемпионате Соединенных Штатов. Я играл против Коше, который невероятными ударами влет выиграл у меня два сета. И я вдруг почувствовал, что я просто смешон. Мне помог какой-то болельщик Коше. Когда мы менялись сторонами, кто-то крикнул с трибун: «Бедняга Рене! До чего ж ты суров. Не лупи с такой злостью!» Я не выдержал и вопреки своей привычке стал играть против совершенно растерявшегося Коше действительно зло. Никакой тренер не смог бы этого добиться!

— Со времен «мушкетеров» Петра́ единственный раз выиграл Уимблдон, Бернар и Ноа — по разу турнир на кортах «Ролан-Гарро». Это мало. Как объяснить, что французы за редкими исключениями уже не входят в число сильнейших?

— Когда игрок достигает определенного уровня, даже, если он еще юниор, надежда, он привлекает к себе интерес. Всем кажется, что они открыли новую звезду; паренька выставляют на один турнир за другим, и у него элементарно не хватает времени тренироваться и отработать свои слабые стороны. У нас времени хватало — турниров было куда меньше, 10—12 в год. К тому же мы тренировались зимой на закрытых деревянных кортах, очень скользких и более быстрых, чем любой из самых быстрых кортов сейчас. И мы хорошо играли. Слабость нынешних чемпионов в том, что они не умеют приспосабливаться к разным кортам. Макэнрой играет на быстрых кортах и боится земляных, их предпочитают Борг, Виландер и Лендл.

— Словом, чемпион — это когда трудность только повод ее преодолеть?

— Абсолютно так. Когда я тренировался с Боротра, он стоял у лицевой линии, где играл неважно, я — постоянно у сетки, здесь я тоже чувствовал себя неуютно: у меня был плохой смэш. Но знаете, трудно добиться на тренировке от противника высокой и достаточно точной «свечи», чтобы тренировать этот удар. Тогда я придумал машину, метающую мячи...

— Не кажется ли вам, что ритм современного тенниса «изнашивает» игроков быстрее, чем раньше?

— Физически, нет. Думаю, что Боротра тратил на корте сил не меньше, чем любой теннисист теперь. Игра сегодня, без сомнений, напряженнее, но в наше время не было ни пауз между сетами, ни ти-брэков. Четырехчасовая партия длилась четыре часа; теперь бы — только три, если не считать все эти передышки. Теннисист действительно изматывает нервы сегодня больше, чем раньше. И наступает день, когда нервы сдают: так было с Сюзанной Ленглен, с Боргом, с Макэнроем. Сдают от слишком частых выигрышей, от постоянных побед. Проигрывать полезно, потому что нужно не только научиться сживаться с поражением, но и извлекать из него кое-что на будущее. С этой точки зрения спорт — лучший воспитатель...

— Вы впервые взяли ракетку в 14 лет. Сегодня существует практика отбора детей, которых очень скоро выставляют в большой спорт. Можно ли штамповать чемпионов?

— Я совершенно не согласен с системой вербовки в спорт совсем юных; ни пользы их учебе, ни здоровью, ни технике игры, и, главное, они начинают жить иллюзиями...

— Словом, чемпионом рождаются?

— Думаю, что большинство чемпионов наделены некоторыми врожденными качествами, заметьте, очень разными. Они развиваются более или менее быстро и эффективно. Вот в этом как раз ему может помочь и его окружение, и хороший наставник.

— Но прежде всего он сам... Вашими знаменитыми качествами считались сосредоточенность, терпение и характер, так?

— Сосредоточенность была от ощущения, что нельзя одновременно делать все, что данные тебе силы не стоит делить на множество разных целей... Когда я ушел с кортов, я приложил к другим занятиям качества, которые сослужили мне добрую службу в спорте. И, может быть, недостатки тоже! Я работал конструктором в авиации... Позже мое теннисное терпение вылилось в создание фирмы «Лакост», разрабатывающей новые теннисные ракетки и снаряжение. Изобретать — это тоже терпение...

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

ИСТОРИЯ
популярной музыки
В ФОТОГРАФИЯХ

«Россия — с любовью»... Йоко Оно, написав для читателей «Ровесника» эти слова, улыбнулась: «Я бы хотела приехать к вам с сыном. Показать ему Москву. Петь для вас. Говорить с вами. Я никогда не думала, что русские так много знают о нас, обо мне, о Джоне, так любят его. Я все время чувствовала эту любовь». Говорить о Джоне Ленноне для Йоко трудно: «Но я понимаю тех, кто хочет говорить о нем. И я знаю, что память о нем может помочь людям». Со дня гибели Джона Леннона в декабре 1980 года его вдова, Йоко Оно, не снимает темных очков — это ее траур.

В Москву на Международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» Йоко Оно привела логика ее жизни, логика ее работы. Когда-то давно, вместе с Джоном, они проводили демонстрации протеста против войны во Вьетнаме, они записали знаменитую песню «Дадим миру шанс». После гибели Джона Леннона Йоко выпустила три долгоиграющие пластинки: «Стеклянное время», «Все в порядке», и самая последняя ее работа — «Звездный мир». Так называлась и концертная программа, с которой Йоко Оно побывала во многих странах. Противники «Звездного мира», сторонники «звездных войн», были и противниками Йоко — сколько же грязных сплетен появилось тогда в некоторых американских изданиях: и на концерты-де никто не ходит, и сама-то Йоко — отнюдь не ангел и т. п. А сколько еще наплетут после того, как она побывала в Москве...

Йоко Оно, маленькая, хрупкая женщина, спокойна: она работает.

ЭТА НИТЬ НИКОГДА НЕ ПРЕРВЕТСЯ...

Питер ШАФФЕР, американский драматург, автор пьесы и сценария фильма «Амадеус»

В кульминационный момент пьесы «Амадеус», в речи, которая, к сожалению, никогда так и не прозвучала со сцены (по причине ее чрезмерной затянутости), композитор Антонио Сальери должен был проинформировать зал: «Я утверждаю: бог есть, и живет он в пространстве между 34-м и 44-м тактами «Масонской траурной музыки» Моцарта». Это утверждение позволяло моему герою процитировать определенные музыкальные такты в качестве доказательства присутствия в мире высшего начала, вместо того, чтобы туманными и чрезмерно экзальтированными словами толковать о гении. Дело искусства — возглашать такие специальные сообщения.

В пьесе мне хотелось как можно четче показать одержимость человека — Сальери, который, по его собственным словам, «был создан для того чтобы обладать слухом, и ничем иным»,— поисками совершенства в музыке. Несравненность Моцарта заключается как раз в совершенстве его музыки: ни одно из его лучших произведений невозможно переписать, отредактировать, не испортив. Конечно, великое произведение искусства всегда свидетельствует о существовании совершенства: вот почему великое всегда рождает в нашей душе высочайший покой, даже если на какое-то время и пробуждает в ней острейшее отчаянье. В картинных галереях бывает такое чувство: как будто не мы судим о произведении искусства, а оно судит нас.

Мое собственное понимание высшего смысла бытия носит эстетический характер. Именно поэтому, вопреки признанию, которое получила у публики моя пьеса, мне трудно было выразить в ней словами мысль о том, что существование Моцарта (или Шекспира) является высшим мерилом ценности рода человеческого, хотя все ужасы мира стремятся убедить человека в том, что его существование никчемно.

Подобно всему великому — а это свойство присуще только великому — лучшие произведения Моцарта время не способно состарить. Я понял это, когда по моей пьесе снимался фильм. В фильме музыки было, естественно, больше, чем при постановке пьесы в театре. Музыка должна была литься непрерывным потоком — эта звучащая стихия и есть рок Сальери, он тонет в ней. Непрекращающийся, грандиозный поток музыки накрывает Сальери с головой, он барахтается, он пытается глотнуть еще, еще воздуха, и чтобы актеры настраивались именно на такое ощущение, съемки шли под музыку Моцарта. Музыка звучала громко, безостановочно, и вы вынуждены были слышать одни и те же отрывки по многу раз: три раза (по меньшей мере!) при съемках крупным планом, три раза — дубли средним планом, три раза — дубли дальним планом, и снова, и снова. Если музыку подвергать таким мукам, она теряет всякую привлекательность, но того нельзя сказать о музыке Моцарта — ни один из бесконечно повторяемых отрывков не раздражал, не мучил и не терял своей силы.

Конечно, музыку к фильму записывали величайшие музыканты нашего времени. И все же долгие съемки со всей очевидностью обнажили правду: сама эта музыка неподвластна угрозе бесконечного повторения. Если музыка может выдержать столь бесчеловечное обращение с ней звукооператоров, она выдержит все, что угодно, за исключением, возможно, мрачной решимости музыкальных преступников препарировать ее диско-ритмом.

Впервые я открыл тайну Моцарта лет сорок назад. Я сидел на траве в истомленном жарою английском парке и слушал фортепьянный Концерт ля мажор — его исторгал старенький патефон. Слушая этот концерт сейчас, я вновь и вновь поражаюсь его определенности. Лучшие моцартовские работы — скажем, его последние фортепьянные концерты — демонстрируют нам волнующий парадокс, лежащий в основе всех истинных произведений искусства: они доказывают необходимость послушания форме. Они ликуют внутри формы. Они празднуют идею правильности и мастерства. Такие произведения — настоящие примеры сдержанности. Ибо именно сдержанность составляет основу прекрасного, ясного произведения искусства или прекрасной женщины. Четкость структуры одновременно подавляет чрезмерную пышность и подчеркивает красоту, словно безупречной формы бокал лишь подчеркивает тонкий вкус напитка. В наше время, когда каждый стремится выделиться и привлечь к себе внимание все равно чем, когда все разболтанно и кичливо, Моцарт кажется вызывающе простым: все в нем поражает своей целесообразностью.

В этом самоограничении есть даже нечто пугающее. Когда снова и снова слушаешь его музыку, ты чувствуешь что-то вроде слегка омраченной радости, как будто бы наблюдаешь чистый весенний пейзаж и не видишь — но знаешь,— что где-то пробегает все же тень облака. Этому чувству нет точного имени, но оно возникает каждый раз, когда внимаешь медленной поступи Кларнетного квинтета. После него суровое неистовство Бетховена кажется слишком настойчивым, а прочувствованность Малера даже истеричной.

Никто так, как Моцарт, не страдал от неточных оценок. В прошлом веке полагали, что славу его составляет «сладкоречивость» — для XIX века, который более всего ценил очевидное усилие, Моцарт был недостаточно серьезен: ах, очарователен, это несомненно, но уж слишком легковесен, слишком грациозен, силы, мускулов маловато. Только все это чепуха. Попытайтесь препарировать музыку Моцарта: она вся — напряженная мышечная ткань, и ткань эта сопротивляется проникновению скальпеля.

По этой же причине церковная музыка Моцарта счита-

лась совсем не церковной и даже фривольной. Потому-то в викторианскую эпоху так ценился неоконченный Реквием: его тяжеловатая торжественность воспринималась как признак веры. По мне же это музыка смерти. Что же касается возвышенной веры, так в полной жизни и веселой «Волшебной флейте» ее куда больше, чем в Реквиеме, а ведь и «Волшебная флейта» создавалась в тот самый последний, темный год жизни композитора. Меня всегда поражал этот контраст: Моцарт одновременно создавал два произведения, два царства — света и тьмы. Какое же напряжение он должен был испытывать, как разрываться между двумя мирами!

Мне хотелось, чтобы эта напряженная атмосфера чувствовалась в кульминации фильма, хотя в пьесе кульминация была иной: длящаяся ночь напролет беседа-схватка между умирающим Моцартом и алчущим Сальери. О, как жаждет Сальери урвать для себя кусочек божественного дара! Для того, чтобы показать эту его неуемную, чудовищную жажду, я и написал ту сцену, хотя в действительности такого, конечно, не было. И строгие биографы осудят меня. Но мне необходима была такая сцена: сердце драматурга стремилось именно так завершить незавершенную легенду. В подтверждение своей догадки я взывал к духу великого гения, потому что, мне кажется, Моцарт сам — гениальный драматург, он писал музыку с расчетом на театральные подмостки, именно в этом он видел свое предназначение.

Театральный эффект музыки Моцарта поразителен. Особенно это ощущается в его операх. У каждого почитателя есть свои излюбленные произведения, я же безоговорочно преклоняюсь перед «Свадьбой Фигаро» и «Волшебной флейтой». «Свадьба Фигаро», на мой взгляд, настоящая музыкальная сокровищница, из недр которой непрерывно материализуются всевозможные сюрпризы и чудеса — стоит на пять минут покинуть зал, и, вернувшись, вы понимаете, что запутались: за это время произошла, как минимум трехкратная смена музыкальных образов. «Волшебная флейта» — это пантомима, окрашенная поистине волшебными созвучиями, и вместе с тем музыка величественна и грандиозна, ее чистота и торжественность рождают щемящее чувство, вызывают дорогие сердцу каждого воспоминания детства. Меня чрезвычайно привлекает и опера «Дон Жуан», хотя лично я никогда не поставил бы ее в один ряд с «Волшебной флейтой».

Невероятно, но тем не менее факт: на восприятие опер необычайное воздействие оказывают столь любимые Моцартом и его либреттистом Лоренцо Да Понте трюки с переодеванием — оба испытывают к ним страсть, граничащую с манией. Графиня в «Свадьбе Фигаро» переодевается служанкой, Лепорелло в «Дон Жуане» облачается в наряд своего хозяина; на балу в том же «Дон Жуане» все персонажи по нескольку раз пытаются надуть друг друга, переодеваясь во всевозможные костюмы...

К сожалению, многие слишком серьезно подходят к реалиям моцартовских опер. Одни отказываются принимать их, другие находят кощунственными и в ужасе всплескивают руками. Буквоедов просто бесит достоверность переодеваний-перевоплощений. У всех у них на первый план выступают костюмы, которые любой гомо сапиенс, если он действительно «сапиенс», воспринимает как нечто вторичное. Как же их это возмущает! Один из критиков, Эдуард Ханслик (критик, кстати, не из лучших), всерьез озабочен тем, что в «Так поступают все женщины» два переодетых юноши с успехом соблазняют своих подружек, которые (бедняжки!) так и не подозревают, в чьих объятиях млеют. Сей блюститель нравственности полностью отвергает эту работу Моцарта по причине «грязной непристойности» (те же вспышки злобы по отношению к Моцарту современники наблюдали и у Рихарда Вагнера, которого только с большой натяжкой можно было отнести к строгим моралистам). Но, пожалуй, больше всего шокирует пуритан сознательная насмешливость и определенная издевка, которая нацелена как раз в них — доведенная до абсурда мысль (которая, кстати, не была столь абсурдной в более сентиментальную эпоху): «Если возлюбленный покинул тебя во тьме, и пришел кто-то другой, узнаешь ли ты его?!» Эта мысль заставила их мозги работать в каком-то лихорадочном возбуждении и рисовать картины одна страшнее другой.

Не следует отождествлять Моцарта и с какой бы то ни было формой протеста, как пытаются сделать некоторые кликуши и поборники христианской добродетели. Он был далек от идеи «непослушания» и противопоставления себя общепринятым догмам. Моцарт был слишком занятым человеком, чтобы терять драгоценное время на что-либо, кроме единственного дела, которое составляло для него весь смысл жизни. И он вовсе не был таким свободным, каким его сейчас пытаются представить — о какой свободе может идти речь, если человек сам заточил себя в узилище, отгородившись от мира чёрно-белой стеной клавиш и линейками нотного стана?! Он был вынужден подчиняться сильным мира сего, он сам это предопределил, превратившись в придаток к своему инструменту. Правда, великолепный придаток. Что же еще осталось ему, отмеченному печатью гениальности, носителю высшего начала, кроме создания волшебных картин? Все было очень просто — он вдохнул в них жизнь, свою жизнь.

Мой Моцарт — это обаятельный молодой человек, путем изнурительных тренировок на грани самоистязания превратившийся в гения: волшебная флейта, прильнувшая к устам совершенства. И его смерть в возрасте 35 лет не представляется мне столь трагичной — он умер, проделав гигантский, титанический труд, непосильный даже для самых одаренных смертных. Незримые нити протянулись к рукам музыкантов, играющих его произведения, нитями управляет насмешливая душа вечно юного гения, вот и все. И это счастье — быть связанным с ним одной нитью. Я твердо убежден, что эта нить никогда не прервется, даже если и запутается в банальности будней.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

«ROCK ME AMADEUS»

Так называется песня, прославившая австрийского композитора и певца Фалько. (На снимке он в сопровождении своих продюсеров в нарядах a-la Моцарт.) Дело в том, что после выхода на экраны фильма «Амадеус» по Западной Европе и США прокатилась волна не только нового обращения к музыке Вольфганга Амадея Моцарта, но и... моды на «моцартовский стиль» в одежде. Фалько (настоящее имя Йоханн Хольцль, выпускник Венской консерватории по классу джазовой композиции) в своей песне высмеивал эти нелепые и пошлые попытки «игры в Моцарта». Перевести название «Rock me Amadeus» трудновато — скорее смысл песни можно передать словами: «Амадеус, сделай-ка мне забойный рок!»

Вслед за этим вышли две долгоиграющие пластинки Фалько. По ТВ звучала песня Фалько «Возвращение домой».

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, КОТОРОГО НЕ БЫЛО (НО КОТОРЫЙ МОГ БЫ БЫТЬ)

На сцене шумно короновали толстого господина. Четыре мрачных униформиста с размаху воткнули его в колченогий трон. Карлик подал корону улыбчивому священнику, который и водрузил ее на толстого господина. Оркестр начал цедить «аллилуйя», на хорах рявкнули басы, но, словно испугавшись собственной дерзости, притихли. За кулисами деловито орали, а в просцениуме кого-то дегтярно-черного боялись две специально для того нанятые барышни. Они тянули руки к публике, призывая ее разделить их страх. В публике смеялись, но бояться отказывались. Трон с коронованным толстяком поплыл вокруг сцены, басы наконец оправились от пережитого и загудели минорное. На заднике спроецировали крест и профиль господина, втиснутого в трон. Профилем ему явно льстили — наверное, действительно боялись. Затем на трон посветили сверху, и толстый король, приняв подобающую позу, внятно произнес: «Да здравствует рок-н-ролл! — И чуть громче добавил: — Хотя не в рок-н-ролле дело». И засмеялся. И грянула музыка.

Судья: Господа присяжные! Слушается дело «Общественное мнение против Оззи Осборна». Вышеупомянутый Осборн обвиняется в пропаганде насилия и сатанизма, на него возлагается ответственность за самоубийства молодых людей, вызванные, как считает обвинение, слушанием песен обвиняемого. Шоу Осборна оскорбляют эстетический вкус, подрывают моральные устои и дурно влияют на нравственность подрастающего поколения.

Обвинитель: Все сказанное выше настолько очевидно, что я не вижу смысла в заседании — давайте сразу вынесем приговор.

Защитник: Ваша честь, я протестую! Существует презумпция невиновности: пока не будет доказана вина моего подзащитного, он по всем законам считается невиновным.

Судья: Протест принимается. Слово предоставляется обвинению.

Обвинитель: Уважаемый суд, господа присяжные! Предосудительное поведение этого человека проявилось уже в юности: в 1968 году он организовал группу «Редкая порода», позже называвшуюся «Земля». Будучи автором подавляющего большинства песен, Осборн осмеливался подвергать сомнению святые истины. Приведу пример: на концерте в бирмингемском экономическом колледже Осборн исполнил песню «Современный Прометей рвет цепи», кстати, эта вещь почему-то не вошла ни в одну пластинку. В ней рассказывалось о монстре, которого создал в лаборатории выживший из ума ученый-безбожник. Дьявольское отродье терроризировало семью профессора, уничтожило всех дорогих ему людей и впоследствии сгинуло во льдах северных морей. О какой нравственности может идти речь, если обвиняемый в своем произведении не только не осудил этого дьявола, но и по сей день считает песню о нем одним из лучших своих произведений?!

Защитник: Очевидно многоуважаемый обвинитель упустил из виду, что сюжет данной песни и ее название представляют собой не что иное, как обращение к классическому литературному произведению, роману английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»! Роман был написан в начале прошлого века. Отдаю должное обвинителю, заметившему тем не менее, что идея романа наложила определенный отпечаток на творчество моего подзащитного. Позволю себе напомнить его основную идею — искусственный «демон» пытается творить добро, но, ожесточенный непониманием и одиночеством, превращается в злобную силу.

Обвинитель: Но не будете же вы отрицать, что деятельность Осборна оказала влияние на молодежную культуру Запада: я имею в виду всплеск интереса к черной магии в начале семидесятых годов! Как известно, группа «Земля», душой которой был обвиняемый, в конце 1969 года сменила название на «Блэк сэббет». В 1970 году вышла их первая пластинка: сам альбом и первая песня назывались одинаково — «Блэк сэббет». На слушателей низвергнулся поток образов колдунов, ведьм, слышались крадущиеся шаги. И разве музыкальные образы только этой песни были полны подобной нечисти? А «Спящая деревня», а «Колдун»? Пресса восприняла такую тематику как сенсацию. Добавьте сюда музыку — тяжелые, вязкие блюзы, и вы получите гимн сатанизму. Определенная часть молодежи пошла на поводу у этого «кладбищенского» рока, популярность «Блэк сэббет» росла.

Защитник: Верно, «Блэк сэббет» придерживались определенной линии в своем творчестве. Я попытаюсь объяснить принципиальную позицию Осборна и его группы, но для этого мне придется пригласить свидетелей и огласить некоторые архивные документы.

Краткая биографическая справка: Джон Майкл Осборн родился 3 декабря 1948 года в Бирмингеме. Окончил музыкальный колледж по классу фортепиано и несколько лет брал уроки вокала. Прозвище Оззи Осборн получил еще в школе — он любил цитировать сказку «Волшебник острана Оз» [1]. Позже сделал свое прозвище сценическим псевдонимом. Помимо Осборна в состав «Блэк сэббет» входили: Тони Йомми, уникальный гитарист, чье творчество оказало несомненное влияние на все развитие рок-музыки, Терри Батлер, один из самых виртуозных бас-гитаристов, ранее работавший с джаз-коллективами, и барабанщик Билл Уорд, к рекомендациям которого прислушиваются даже самые искушенные джазовые ударники.

Уважаемый обвинитель отметил влияние Осборна и его группы на молодежь. Такое влияние было и есть, но, дабы отделить зерна от плевел, следует сказать несколько слов о состоянии молодежной культуры того периода.

Вы прекрасно помните, что вторая половина шестидесятых проходила для некоторой части западной молодежи под знаком движения хиппи — знаменитый лозунг того времени: «Любите, а не воюйте!» — нет-нет да и всплывет в наши дни. В качестве песенной тематики это вполне приемлемо, но выдвигать подобные идеи как жизненную позицию бессмысленно: хоть любовь и реальна, но не менее реально и мчащееся по своей проторенной колее насилие. Осборн, любимыми писателями которого были, судя по анкете «Мелоди мейкер», Шарль Бодлер и Лев Толстой, возможно, одним из первых рок-музыкантов заметил противоречивость и несостоятельность идеологической платформы «детей цветов». «Блэк сэббет» в своих песнях стали пародировать библейские постулаты, которые столь любили хиппи, но делали это так тонко и завуалированно, что поначалу их тексты как пародии не воспринимались. И вот тогда Осборну пришла мысль о контрастах: если слушатель не в состоянии отличить пародию от восхищения на данную тему, то резкий контраст между произведением и способом его подачи насторожит слушателя. Оказалось, что «насторожит» — слишком мягко сказано. Эта контрастность разрывала сознание слушателя, пугала его. Правда, подобный эффект стал проявляться на заключительной стадии работы Осборна с «Блэк сэббет», а поначалу сосуществование в рамках одной песни «смиренных ангелов добра» и «темных сил зла» вызвало восхищение английских... оккультистов, по-детски жаждущих получать подтверждение своим домыслам хоть в чем-нибудь. «Блэк сэббет» даже пригласили выступить на одном из конгрессов британских «черных магов». Группа отказалась, чем навлекла на себя проклятия колдунов всех мастей. Пресса не замедлила раздуть скандал, и, как всегда бывает в таких случаях, никто не мог понять, в чем дело: то ли «Блэк сэббет» надругались над святынями черной магии, то ли римский папа отлучил их от церкви, то ли Осборна посвятили в колдуны-магистры. Главным же было другое: встав на тропу открытой конфронтации с взглядами хиппи, «Блэк сэббет» отрезвили многих. Группа не отрицала любовь, символ рок-музыки конца шестидесятых, но при этом музыканты высмеивали идею любви как панацеи от всех бед современного общества. Я бы назвал это реалистическим подходом к действительности. А сейчас я хочу пригласить свидетеля защиты, Роберта Планта, бывшего вокалиста группы «Лед зеппелин».

Роберт Плант: «Блэк сэббет» поначалу показался мне ложкой хины в бочке шоколада — такие резкие и злые песни они пели. Как и большинство моих коллег, я в то время носился с лозунгом «Любите, а не воюйте!» и воспринял песни «Блэк сэббет» как личное оскорбление. Но позже до нас дошел смысл их насмешки над «протестом» хиппи: Осборн — а именно он был инициатором «черной» лирики,— наверное, первым среди рок-музыкантов понял, что зло можно победить только реальной борьбой.

Судья: Скажите, свидетель, почему вы назвали «Блэк сэббет» хиной в бочке шоколада — ведь тем самым вы даете определенную оценку своему творчеству того периода?

Плант: Да, мы пели довольно приторные песенки о «ее величестве Любви» и были чрезвычайно горды собой. И разве мы одни? Все пели только об этом. Поэтому «Блэк сэббет» вызвали ярость у всех благополучно приземлившихся на этой высокой идее: всем нравилось думать о любви как о мессии и о себе как о миссионерах, а тут появляется злобный толстяк и все ставит с ног на голову. Почему мы все так бесновались? Потому что прекрасно понимали справедливость точки зрения Осборна. Вспомните песню «Гончие войны» — в ней группа открытым текстом говорила о неспособности любви победить военно-промышленный комплекс.

Обвинитель: Но не будете же вы отрицать, что даже если у «Блэк сэббет» и были какие-то благие намерения, их творчество все же отдавало религиозным мистицизмом, который и сейчас составляет основу песен Осборна?

Защитник: Видите ли, я, конечно, не литературовед, но по собственному опыту знаю, что чем талантливее поэт, чем живее творческое воображение читателя или слушателя, тем больше красок и оттенков он видит в самом произведении. Люди же с «одномерным» воображением склонны любое произведение трактовать однозначно. Может быть, любовь Осборна к метафорам чрезмерна, поэтому даже те, для кого английский язык родной, не гарантированы от ошибок при анализе его песен, не говоря уже о тех слушателях, для кого английский — иностранный. Обратимся к пластинке 1971 года «Хозяин действительности», в частности, к одноименной композиции. Осборн поет:«Твой мирок создал некто наверху, в этом мирке ты выбрал дорогу ненависти, а мне предложил роль хозяина твоей жизни. Ты пытаешься всучить мне свою душу — думаешь, ее кто-нибудь хватится?» При недостаточном знании английского языка, а также в силу предвзятости, эти язвительные строки можно счесть призывом к возвращению в лоно церкви, а при дословном переводе они вообще теряют всякий смысл. Сказанное можно отнести и к сольному творчеству Осборна — он действительно поминает имя всевышнего, но в каком контексте? Его добрый бог со снисходительной улыбкой наблюдает за деяниями чад своих, которые либо крошат друг друга на полях сражений, либо мирно творят взаимные подлости. Как сказал музыкальный критик Тим Холмс, «обвинять Осборна в кликушестве и мистицизме может только клерикальный ханжа или несостоятельный претендент на звание «интеллектуала».

Обвинитель: Тем не менее «Блэк сэббет» во главе с Осборном приобрели не просто популярность, а скандальную популярность. Вы уверяете, что музыканты преследовали весьма гуманные цели, но как они сопрягаются с погромами на концертах, с циничными заявлениями того же Осборна в прессе? Я не берусь судить о музыкальных достоинствах «Блэк сэббет», возможно, они действительно есть, но общий фон, так сказать, аура группы, заставляет усомниться в том, что цели обвиняемого столь высоки.

Защитник: Многоуважаемый оппонент несколько опередил меня — я пока ни слова не сказал о музыке. Но раз уж речь зашла о ней, позволю себе пригласить еще одного свидетеля защиты. Господин Ричард Мэйсон Блэкмор, прошу вас!

Обвинитель: Ваша честь, я протестую! Ричи Блэкмор, на мой взгляд, столь же сомнительная фигура, как и обвиняемый. Они работают примерно в одном жанре рок-музыки, и свидетель будет выгораживать обвиняемого. Хотел бы также заметить, что поскольку обвиняемый считается родоначальником хэви метал-рока, я буду возражать против привлечения защитой любого свидетеля, представляющего это направление.

Судья: Протест отклоняется. Блэк-

[1] *У нас она известна в переложении А. Волкова как «Волшебник Изумрудного города».— Ред.*

мор не имеет никакого отношения к хэви метал-року, и суд не усматривает причин для отвода данного свидетеля. Защита может продолжать.

Ричи Блэкмор: Впервые я услышал «Блэк сэббет» в 1970 году — это был их второй диск, «Параноид». Меня просто потрясла одноименная композиция. Пульсирующий ритм, «сдвинутая» партия гитары, не вписывающаяся в этот ритм,— аранжировка композиции сделана в лучших традициях джаз-рока (о чем в свое время говорил и такой авторитетный композитор и музыкант, как Роберт Фрипп), необыкновенный по выразительности голос... Я стал следить за «Блэк сэббет», и следующий музыкальный сюрприз они преподнесли спустя два года, когда вышла их пластинка «Сэббет блади сэббет»: композиции «Абракадабра» и «Кто ты такой?» ошеломили меня своей, я бы сказал, совершенной законченностью, в них не было слабых мест, идеальный гармонический баланс. Кстати, партию клавишных при записи этой пластинки исполнял Рик Уэйкман — одно это говорит за себя: Уэйкман не станет работать с кем попало, поверьте, я это отлично знаю.

Здесь уже говорили о контрастах между содержанием песен и способом их подачи, как художественном приеме. Я бы хотел сказать о том, как эта контрастность постепенно стала прослеживаться и в музыке. Начиная с пластинки 1975 года «Саботаж» музыка «Блэк сэббет» превратилась в сплошные контрастные пятна — я музыкант и поэтому говорю только о музыке, за тем меня сюда и пригласили. Я не буду подробно останавливаться на каждой композиции, а лишь скажу, что альбомы «Саботаж», «Торжество техники» 1976 года и «Не унывай!» 1978 года были, по-моему, в музыкальном отношении близки к совершенству. Потом пути «Блэк сэббет» и Оззи Осборна разошлись, и всем стало ясно, что настоящий «Блэк сэббет» — это Оззи Осборн: после него в группе были Дио, мой коллега Гиллан, сейчас там поет Хьюз, но, увы, без Осборна это уже не то. И дело не только в вокале, дело в музыке, которую писал Оззи.

Защитник: Теперь я бы хотел сказать несколько слов по поводу обвинения моего подзащитного в «скандальной популярности», и, как следствие, о претензиях к заявлениям Осборна в печати. Я бы поставил вопрос иначе: а почему пресса столь охотно цитирует сентенции Оззи Осборна и всегда ли эти цитаты верны?

Во время первых гастролей «Блэк сэббет» в США в апреле 1971 года, после концерта в Нью-Йорке к Осборну подошел один из осветителей и спросил: «Я слышал, вы здорово разбираетесь в черной магии. У меня язва, я пробовал лечиться с помощью черной магии, но не помогло. А что вы можете посоветовать?» Осборн ответил: «Попробуйте молоком, хотя я бы на вашем месте обратился к врачу».

Этой фразой журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» открыл свою рубрику «Самые остроумные высказывания года»— действительно остроумно, и заодно снимаются все вопросы по поводу ориентации Осборна на черную магию.

Совсем недавно, уже в восьмидесятые годы, когда в группе Осборна в очередной раз сменился барабанщик (в тот раз это был Кэрмин Эппис), на вопрос корреспондента английского «Нью мюзикл экспресс», чем вызвано такое решение, Осборн ответил: «Сугубо медицинскими соображениями». Увидев недоумение журналиста, Оззи пояснил: «У меня от него болит голова».

Если господин обвинитель имеет в виду подобные высказывания моего подзащитного, то я, пожалуй, поддерживаю обвинение — Оззи Осборн виноват в умении остроумно отвечать на дурацкие вопросы. Это отметил и покойный Джон Леннон: в 1975 году на вопрос одного музыкального критика, почему «Блэк сэббет» играют такую мрачную музыку, Осборн ответил: «А у вас, что, есть повод для веселья? Поделитесь, посмеемся вместе». Узнав об этом, Леннон воскликнул: «Из этого парня скоро получится хороший Леннон!» Леннон не всегда отличался скромностью, но в данном случае он был абсолютно прав — я не утверждаю, что Осборн уже при жизни достоин занять место в пантеоне великолепных насмешников, но его едкие замечания не оставляют ханжам и лицемерам возможностей для спокойного существования. В этом он ничем не отличается от Леннона.

К сожалению, пресса частенько искажала слова моего подзащитного. Так произошло, например, с заявлением Осборна по поводу... пирамиды Хеопса. Сейчас по прессе всего мира бродит фраза: «Мое самое большое желание в этой жизни — забраться на пирамиду Хеопса и наплевать на все, что внизу». Якобы так Осборн ответил на вопрос, какое у него самое большое желание в жизни. В действительности все было иначе: Осборн отвечал на совершенно другой вопрос, который звучал: «Что вы можете сказать по поводу наращивания Соединенными Штатами гонки вооружений?» Вот тут и возникла египетская пирамида, под которую Осборн желал бы пригласить кое-кого из тех, кому нравится играть в атомные игрушки. Я не думаю, что это можно поставить в упрек моему подзащитному, вспомните, покойный Леннон позволял себе куда более хлесткие выражения. И сейчас я хотел бы просить уважаемый суд провести перекрестный допрос моего подзащитного: я предлагаю суду интервью Оззи Осборна, которое он дал лондонскому еженедельнику «Мелодии мейкер» — интервью озаглавлено «Оззи Осборн, человек, который не умеет лицемерить, что, как правило, идет ему во вред».

Суд удаляется на перерыв, окончание «стенограммы процесса» — в следующем номере «Ровесника».

АНОНС ФОТО НА СТР. 25 В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

«Ровесник» № 8, 1970 год:

«В 1963 году в одном из маленьких клубов Ричмонда появились новые музыканты. Они называли себя «Роллинг стоунс», были очень молоды и никому не известны. Через два года их имена знал уже весь мир... По результатам опросов, которые проводят музыкальные журналы, «Роллинг стоунс» неизменно занимают первое, второе, в крайнем случае третье место, иногда уступая «Битлз», иногда опережая их...

В конце прошлого года «Роллинг стоунс» отправились на гастроли в Соединенные Штаты. Недалеко от Сан-Франциско... они дали второй концерт на открытом воздухе... «Час с четвертью длился концерт, и час с четвертью аудитория неистовствовала, награждая своих любимцев бурными аплодисментами,— писал журнал «Роллинг стоун».— Мик Джаггер — неплохой певец и композитор, но не этим он покоряет публику. У него есть удивительный дар — никого в зале не оставлять равнодушными». Интересна история этого журнала. Во время гастролей «Роллинг стоунс» в 1967 году безработный журналист Джанн Веннер, заручившись поддержкой Джаггера, решил основать издание, которое было бы эпицентром молодежного протеста, выраженного в музыке...

Сейчас «парни из Ричмонда» планируют давать как можно больше бесплатных концертов — «для всех, кто любит музыку».

«Ровесник» № 9, 1973 год:

«Роллинги сделали сознательную и циничную ставку на полное забвение сдерживающих начал. Герои их последних песен — откровенные подонки, возведенные в идеал. Никакой романтики, никакой любви или бережного отношения к человеку, никаких «нежностей» — все дозволено, все охаивается, все втаптывается в грязь...

Их ранние вещи, лишенные привычного, ныне смердящего цинизма, зву-

чали в свое время по радио в передаче «На всех широтах» и в программе «Музыкальный глобус»... Если же кто-то вновь спросит у нас, отчего этих «славных» Роллингов не передают, не популяризируют теперь, то я отвечу прямо: ни один уважающий себя редактор не поставит своей подписи под материалом человеконенавистническим, под тем, что унижает его же читателя или слушателя».

«Ровесник« № 10, 1982 год:

«Разумеется, сей экс-бунтарь (Мик Джеггер.— Ред.), некогда выступавший против войны во Вьетнаме, автор знаменитой пе́сни «Уличный боец», считает наращивание атомных вооружений серьезной проблемой. Однако лично он больше не собирается затрагивать подобные проблемы в концертах, потому что «люди приходят к нам вовсе не для того, чтобы слушать про это».

На подмостках он радостно купается в лучах славы и любви своих почитателей. Но почему же не растаяла под этим теплом та корочка льда, которую я ощущаю в разговоре с глазу на глаз? Даже вполне по-свойски кладя мне руку на плечо, Мик Джеггер остается этаким снежным принцем. Его знаменитый чувственный рот вещает лишь прописные истины. Слова пахнут бумагой. И потрясают — насколько же можно быть далеким от жизни!»

Обратил ли ты внимание, читатель: «Роллинг стоунс» — «Роллинг стоунз», Джаггер — Джеггер? О, как хотелось бы, следуя моде, покаяться в ошибках. Увы, всего лишь менялись правила передачи иностранных имен и названий на русский язык. Приведенные выдержки также могли бы быть свидетельством либо непоследовательности журнала в отношении к творчеству группы, либо — что гораздо хуже — последовательной подчиненности мнения чьей-то «указке». Иные читатели представляют дело так: можно было — хвалили, нельзя стало — ругали. Следовательно: сейчас можно, опять будут хвалить. А если подойти по-другому? «Роллинг стоунз» на сцене вот уже двадцать с лишним лет, рок — живая музыка, музыканты — живые люди, и за эти годы менялись их взгляды и на музыку, и на жизнь, и на проблемы, которые жизнь неминуемо перед ними ставит. Потому и менялось отношение к «Роллинг стоунз» критиков как отечественных, так и зарубежных. Мы публикуем здесь материал американского журналиста вовсе не как доказательство справедливости нашего менявшегося отношения к «Роллинг стоунз» — нас, как и американского критика, обрадовала возможность опять по-новому взглянуть на творчество этих музыкантов. Возможность, которую они дали своим новым альбомом.

«ГРЯЗНАЯ РАБОТА» ЧИСТЫМИ РУКАМИ

Роберт КРИСТГОУ,
американский
журналист

Вот уж никак не мог предполагать, что у меня возникнет желание рецензировать новый альбом «Роллинг стоунз» — они перестали меня интересовать уже лет десять назад. Оказывается, поторопился.

Казалось бы... Два десятилетия во главе хит-парадов, да что там хит-парады — будем, в конце концов, честны перед самим собой — двадцать лет во главе рока. Это что-то значит. А что! Да просто они уже привыкли изворачиваться и ориентироваться прежде всего на коммерческий успех, часто ставя музыку на второй план. И сколько уже было таких «вторых планов»! Как вдруг... Но так ли — вдруг!

«Роллинг стоунз» не раз поражали музыкальный мир своей способностью к возрождению из пепла, праха, в который они периодически превращались, исчерпав свою фантазию и воображение слушателей. И вот они вновь воскресли, но как! Такого честного и бескомпромиссного альбома, как последний, «Грязная работа», в коллекции «Роллинг стоунз» еще не было. Этот альбом я сравниваю с глотком чистого воздуха. Искренность работы подкупает и заставляет делать выводы. Это всего лишь «Роллинг стоунз», да, но они оказались способными вырваться из замкнутого, удушливого круга, в который загнали себя сами, они проделали в нем брешь и создали наконец нечто настоящее.

Последний альбом, который еще хоть как-то обращал на себя внимание, вышел в 1978 году («Ох, уж эти девушки!»). И если прежде у поклонников группы еще были надежды: ну вот сейчас! ну следующий диск! когда же, наконец!! — то после «Девушек» все иллюзии пропали: мы получили то, к чему «Роллинг стоунз» шли так долго — отвратительный рок.

Я не думаю, что вся наша критика хоть как-то подействовала на них, вовсе нет. Просто они сами. я бы сказал, дозрели: жить в нашем обществе и благодушенствовать может только идиот, а они далеко не идиоты. Хотя один из имиджей Джеггера почти рядом с этим чудным персонажем, но, в конце концов, дело разве в имидже! И причем здесь личность Джеггера! Свершилось главное: «Роллинг стоунз» встали в ряды прямого политического протеста, который давно зрел в глубинах их музыки, но никогда не проявлялся столь зримо, как на этом последнем диске «Грязная работа». Пожалуй, мне пора прекратить излияния восторга и перейти к делу.

Начну с того, что звучание альбома в целом показалось мне несколько неожиданным — и дело не только в том, что Ричардс поет классическую балладу («Ночные сновидения») в несвойственной группе манере, а дроби Уотса воскрешают в памяти покойного Бонхэма [1],— вслушавшись, я понял: пластинка создает впечатление предсмертного вздоха. «Роллинг стоунз» выложились до конца, полностью, они делали этот альбом на пределе своих возможностей. Джеггер уже не в силах говорить во весь голос и тихо бормочет: «Разве так уж важно быть первым у кормушки! Зачем! Чтобы доказать всем, что у тебя стальные бицепсы, а хватки не занимать! Подумай, где истинное, а где ложь». Но в конце концов его прорывает и он кричит: «Это же проходит жизнь! Понимаешь ли ты, жизнь!» (композиция «Препятствие»).

Джеггер меня удивил. Впрочем, я всегда считал, что он способен на большее, и наконец смог убедиться в справедливости этого предположения — в композиции «Грязная работа» он обращается к своему противнику в воображаемом диспуте: «Ты сидишь и ждешь, пока борются остальные — ты не против победы, но ты не хочешь участвовать в борьбе за нее! Ты пожинаешь чужие плоды, ты — потребитель! Я ненавижу тебя!»

Наконец-то Мик сказал вслух: борьба за мир необходима (а он поет именно об этой борьбе), но участвовать в ней хотят далеко не все. На мой взгляд, проблема не менее важная, чем собственно разоружение — пассивность иной раз опаснее откровенной враждебности. Это песня о последствиях тотального подавления воли и о том, что страшно оказаться как жертвой, так и виновником этого подавления.

В песне «Обратно в прошлое» группа откровенно объявляет свою политическую платформу: «Нет войне против разума, не позволим отбросить человечество в прошлое! Нет ракетам! Мы за мир без войн!» Когда такие слова несутся с пластинки «Роллинг стоунз», это что-то да значит.

На мой взгляд, этот альбом — самая нелицеприятная картина 80-х, созданная в 80-х. «Роллинг стоунз» наконец-то нашли себя (это звучит смешно после двадцати лет на пике хитов), и этому они обязаны прежде всего своим гражданским возмужанием. «Роллинг стоунз» состоялись как личности, и я очень этому рад. Как музыканты они состоялись давно.

[1] *Участник группы «Лед зеппелин», до сих пор считающийся одним из лучших ударников в рок-музыке.— Прим. ред.*

Песня, которую мы вам представляем в этом номере — «Трубы мира»,— дала заглавие всей пластинке, выпущенной Полом Маккартни в 1983 году: «Нашу жизнь освещает, словно свеча, любовь, и в этом свете тают горести. И вскоре все мы познаем простую истину: во всем мире дети рождаются ради жизни, и мы должны им дать все, что мы можем. Мы должны научить их радоваться жизни, а не кричать: «Огонь!» И тогда запоют над миром трубы мира. Этот земной шар, который мы держим в своих руках,— не игрушка, и человечество не исчезнет, если мы все, обыкновенные люди, как ты и я, будем беречь его. И вот тогда запоют трубы мира».

i light the candle to our love
And lot of problems disappear
And on and on we'll soon discover
One and one is all we learn to hear
All'round the world
Little children being born to the world
Got to give 'em all we can
Till the warries gone
Then we'll've the work been done
Help them to learn
Something joy instead of burn baby burn
Let it show them the other play
to pipes of peace
Play to pipes of peace
Help me to learn
Something joy instead of burn baby burn
Want to show me other play
to pipes of peace
Play to pipes of peace.
What do you say
Will the human race be wrong any day?
Always someone'll say
This planet we play enough?
Isn't the only one wonna we gonna do?
Help them to see
That the people here are like you and me
Let it show 'em other to play pipes of peace
Play to pipes of peace

На первой странице обложки: Тулика Сарма, студентка II курса биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, как и десятки ее земляков — студентов различных вузов столицы — приехала в Москву из Индии.

Фото В. АВЕРЬЯНОВА

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ
Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Дрыгина
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 02.04.87. Подп. к печ. 13.05.87. А01055. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 504 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 94.
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21
Индекс 70781
Цена 35 коп.